

№ 1.
1951.

Судебная практика

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

СПбГУ

1

1 9 5 1

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1951

№ 11

Январь

РУКОВОДЯЩИЕ УКАЗАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ОБ УСТРАНЕНИИ НЕДОСТАТКОВ В РАБОТЕ СУДОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

*Постановление Пленума Верховного суда СССР
от 1 декабря 1950 г. № 17115/у*

108812/1

Работа судов по рассмотрению кассационных жалоб и протестов имеет большое политическое значение. Своей деятельностью вышестоящие суды призваны обеспечить строгое соблюдение закона судами первой инстанции с тем, чтобы лица, виновные в совершении преступлений, понесли установленное законом наказание и чтобы вместе с тем не допускались случаи необоснованного осуждения.

Из дел, рассмотренных Верховным судом СССР в порядке надзора, видно, что не все суды правильно понимают свои задачи по рассмотрению дел в кассационном порядке и что в кассационной практике судов имеются еще серьезные недостатки, причиняющие вред делу советского правосудия.

Эти недостатки в основном заключаются в следующем.

Некоторые суды без достаточной ответственности подходят к изуче-

нию жалоб и протестов, не уделяют им должного внимания, не анализируют тщательно материалов дела и не сопоставляют с ними доводов, изложенных в жалобе или протесте, в результате чего имеет место вынесение ошибочных и необоснованных кассационных определений.

Во многих случаях кассационные определения не содержат никаких мотивов принятого решения по делу. Оставляя приговор в силе, вышестоящие суды часто ограничиваются общей трафаретной ссылкой, что он соответствует материалам дела, не указывая конкретно, какими данными дела опровергаются доводы жалобы или протеста. Отменяя или изменяя приговор, суды не указывают, в чем заключается его неправильность, какие законы нарушены по делу, в чем это нарушение выразилось и чем опорочены мотивы приговора.

Нередко суды при кассационном

рассмотрении дела не входят в оценку доказательств по делу и, таким образом, не могут прийти к правильному выводу об обоснованности приговора, т. е. разрешить вопрос, соответствует ли приговор доказательствам, собранным по делу, и правильно ли эти доказательства оценены судом первой инстанции.

При этом суды иногда исходят из требования ст. 349 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, согласно которым жалобы могут подаваться только на формальное нарушение прав сторон и не могут касаться существа дела.

Суды в этих случаях не учитывают, что согласно ст. ст. 413 и 414 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик поводом к отмене приговора являются неправильность и недостаточность проведенного следствия, при котором остались невыясненными существенные обстоятельства, которые могли повлиять на приговор. Без оценки же доказательств вышестоящий суд лишен возможности проверить правильность проведенного следствия. Упускается также из виду, что ст. 15 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик возлагает на вышестоящий суд обязанность проверки не только законности, но и обоснованности приговора. Проверка же обоснованности приговора не может быть произведена без оценки доказательств по делу.

Наряду с этим суды нередко выходят за пределы своей компетенции, присваивая себе функции суда первой инстанции.

Так, в некоторых случаях суды при кассационном рассмотрении дела устанавливают такие факты и приписывают подсудимому такие действия, которые не указаны в приговоре или отвергнуты им, хотя в силу ст. 320 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, и совершил ли

это деяние подсудимый, разрешается приговором суда. Суды не учитывают, что, обнаружив по материалам дела такие факты, которые могли существенно повлиять на приговор, они согласно ст. 414 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик должны передать дело на новое рассмотрение.

Передавая дело на новое рассмотрение, суды в своих определениях иногда заранее предрешают вопрос о доказанности обвинения, а в некоторых случаях дают прямо указание суду первой инстанции, какие доказательства должны быть им приняты и какие отвергнуты. Такая практика незаконно стесняет права суда первой инстанции, который по закону должен вынести приговор на основе оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 319 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В некоторых случаях вышестоящие суды допускают необоснованное и безмотивное снижение наказания без учета характера преступления, личности преступника и степени его вины.

Судебная практика также показывает, что, несмотря на имеющиеся факты грубого нарушения закона при рассмотрении дел судами первой инстанции, вышестоящие суды, рассматривая дело в кассационном порядке, не обращают внимания на эти нарушения и не отменяют приговоров по такого рода делам.

Такое отношение к закону как в судах первой инстанции, так и в вышестоящих судах является отражением вредного, кое-где еще не изжитого взгляда на необязательность соблюдения всех процессуальных норм. При этом упускается из виду, что строгое и неуклонное выполнение закона, являющееся непременным условием осуществления советского правосудия, обеспечивает и правильное разрешение дела по существу.

Так, в ряде случаев оставляются

в силе приговоры по делам, рассмотренным без участия переводчика на языке, которым не владеют подсудимые, чем нарушается ст. 110 Конституции СССР, являющаяся ярким выражением ленинско-сталинской национальной политики в области судебной деятельности (дело Хачатурова—Верховный суд Азербайджанской ССР; дело Наврозова—Верховный суд Латвийской ССР и др.).

Некоторые вышестоящие суды не находят оснований для отмены приговоров по делам, рассмотренным с нарушением ст. 111 Конституции СССР, гарантирующей обвиняемому право на защиту.

Дело Грузинова было рассмотрено народным судом 3-го участка Балашихинского района Московской области без участия прокурора и защитника, хотя на подготовительном заседании было определено слушать дело с участием сторон. Суд отклонил законное ходатайство Грузинова обеспечить его защитником. Несмотря на то, что по делу были нарушены права подсудимого на защиту, Московский областной суд оставил приговор в силе.

Дело Родаева и др. было рассмотрено Таласским областным судом с участием прокурора и без участия защиты. Ввиду неявки защитников председатель обратился к подсудимым с вопросом, не отказываются ли они от защиты. На отрицательный ответ подсудимых председатель заметил, что тогда придется отложить дело, после чего подсудимые заявили, что они отказываются от защиты. Таким образом, вопреки требованиям ст. 268 УПК РСФСР, председатель вместо отложения дела фактически сам по своей инициативе толкнул подсудимых на вынужденный отказ от защиты. Несмотря на грубое нарушение прав подсудимых на защиту, Верховный суд Киргизской ССР, рассматривавший дело в кассационном порядке, не считал необходимым отменить приговор по этому делу.

Имеют место и другие случаи, когда вышестоящие суды оставляют без внимания нарушения социали-

стической законности, допущенные судами первой инстанции при рассмотрении ими уголовных дел.

Днепропетровский областной суд оставил в силе приговор народного суда 2-го участка Центрального района г. Кривой Рог по делу Гребенюка и др., хотя по этому приговору оба народных заседателя остались при особом мнении и приговор отражал мнение одного лишь народного судьи. При аналогичных же обстоятельствах не был отменен приговор и Ровенским областным судом по делу Горбунова, рассмотренному народным судом 1-го участка Дубновского района.

В результате было допущено нарушение одного из важнейших демократических принципов советского правосудия—о равенстве прав народного судьи и народных заседателей при вынесении приговора (ст. 325 УПК РСФСР, ст. 301 УПК УССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Подобная практика некоторых судов второй инстанции, призванных своими определениями обеспечить строгое соблюдение законности в работе нижестоящих судов, не только не содействует осуществлению этой задачи, но прививает им элементы упрощенчества, пренебрежительного отношения к закону.

Вместе с тем необходимо отметить, что вышестоящие суды в некоторых случаях сами при рассмотрении дел в кассационном порядке не соблюдают требований закона.

Так, вопреки ст. 111 Конституции СССР об открытом разбирательстве дел в судах, кроме случаев, специально предусмотренных законом, некоторые суды рассматривают дела в кассационном порядке не в залах судебных заседаний, а в кабинетах, куда затруднен доступ посторонним, и тем самым нарушают принцип гласности, являющийся также одним из важнейших демократических принципов советского правосудия.

Вопреки ст. 409 УПК РСФСР и соответствующим ей статьям УПК других союзных республик, областные суды нередко не вызывают

стороны к рассмотрению дела в кассационном порядке и тем самым, в частности, лишают осужденного права на защиту, гарантированного ст. 111 Конституции СССР.

Ростовский областной суд рассмотрел дело по кассационной жалобе Моргунова и оставил приговор в силе, не поставив в известность Моргунова или его защитника о дне рассмотрения дела. Костромской областной суд рассмотрел дело по кассационной жалобе Горячева за день до официально объявленного ему срока, не известив его об изменении дня рассмотрения дела.

Народный суд 1-го участка г. Нальчика приговорил Папушина и Рязанова к условному лишению свободы. По кассационному протесту прокурора дело было рассмотрено в кассационном порядке Верховным судом Кабардинской АССР, не поставившим осужденных в известность о подаче по их делу кассационного протеста и о дне его рассмотрения. Приговор был отменен, и дело передано на новое судебное рассмотрение. Между тем осужденные, не связанные подпиской о невыезде и не знавшие, что приговор опротестован, выехали из Нальчика. Этот выезд был без каких-либо оснований расценен народным судом при вторичном рассмотрении дела как уклонение от явки в суд, — дело было рассмотрено заочно с грубым нарушением ст. 265 УПК РСФСР, а Верховный суд Кабардинской АССР оставил в силе второй, явно неправосудный приговор.

Таким образом, грубое нарушение закона, допущенное судом второй инстанции, дало повод и нижестоящему суду допустить аналогичное нарушение закона и заочно рассмотреть дело без всяких законных оснований.

Подобного рода нарушения наблюдаются и при рассмотрении дел в кассационном порядке в верховных судах союзных республик, где закон (ст. 435 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) хотя и не требует вызова сторон, но обязывает выве-

шивать списки дел, назначенных к слушанию, за 24 часа до заседания (дело Бажана — Верховный суд РСФСР; дело Перадзе и Рижемадзе — Верховный суд Грузинской ССР и др.).

Считая совершенно нетерпимыми серьезные недостатки, имеющие еще место в практике некоторых судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке, Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Обратить внимание судов, что проверка законности и обоснованности приговоров имеет важнейшее политическое значение в деле обеспечения надлежащего осуществления советского правосудия судами первой инстанции и что эта задача возлагается на вышестоящие суды большую ответственность, требуя от них вынесения правильного, основанного на законе и мотивированного определения по каждому делу.

2. Указать судам на необходимость самого внимательного и вдумчивого отношения к кассационным жалобам и протестам, в связи с чем при кассационном рассмотрении дела должны быть тщательно изучены, разобраны и сопоставлены с материалами дела все доводы, изложенные в жалобе (протесте), с тем, чтобы ни один из этих доводов не остался без ответа в определении.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 412 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик, суд обязан в ревизионном порядке проверить все производство по делу и принять необходимое решение.

3. Вышестоящие суды должны повысить требовательность к судам первой инстанции в отношении строгого соблюдения социалистической законности при рассмотрении дел. В соответствии с этим суды при кассационном рассмотрении дела обязаны проверить, правильно ли применен тот или иной закон и соблюдены ли все требуемые уголовно-процессуальные нормы.

В необходимых случаях вышестоящие суды должны частными опреде-

лениями указывать суду на допущенные им нарушения закона.

4. Кассационное определение должно содержать в себе краткое изложение содержания приговора, а также изложение доводов, указанных в кассационной жалобе или протесте.

В случае оставления приговора в силе в определении должно быть обязательно указано, какими конкретными данными опровергаются доводы жалобы или протеста,— со ссылкой на соответствующие материалы дела.

В случае отмены или изменения приговора суд обязан указать в определении, в чем заключается неправомерность приговора, какие законы нарушены по делу, в чем именно это нарушение выразилось и чем опорочиваются мотивы, положенные судом в основу приговора.

В частности, при снижении наказания суд должен в определении привести мотивы, дающие основания для такого снижения, исходя из обстоятельств дела, общественной опасности преступления и личности осужденного (ст. 45 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

В случае отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение в определении должно быть указано, какие обстоятельства не выяснены по делу, почему и вследствие каких недостатков предварительного или судебного следствия необходимо их выяснение и какие следственные действия необходимо провести по делу.

Выводы определения должны содержать обязательную ссылку на соответствующий материальный или процессуальный закон.

В случае необоснованного осуждения или необоснованного оправдания вследствие невнимательного и небрежного отношения к рассмотрению дела вышестоящие суды, отменяя приговор, должны частным определением сделать соответствующее указание суду первой инстанции, а в необходимых случаях сообщить об этом соответствующим орга-

нам для решения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности.

5. Указать судам, что в соответствии со ст. 26 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик они по кассационной жалобе осужденного, при отсутствии протеста прокурора, не вправе отменить приговор и передать дело на новое судебное рассмотрение по мотивам мягкости наказания или необходимости применения закона, влекущего более тяжкое наказание.

Признав, что дело недостаточно исследовано или что действия, вменяемые обвиняемому, подлежат квалификации по закону, который влечет более тяжкое наказание и по которому обвиняемому не было предъявлено обвинение в стадии предварительного следствия, суд и при отсутствии протеста прокурора вправе передать дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. При этом суд первой инстанции при вторичном рассмотрении дела может повысить наказание лишь в том случае, если при доследовании будут установлены новые фактические обстоятельства, отягчающие виновность обвиняемого, или будет применен закон, влекущий более тяжкое наказание.

6. Разъяснить судам, что требования ст. 349 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик о недопустимости касаться в жалобах существа дела не подлежат применению, как противоречащее ст. 15 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик.

В связи с этим обратить внимание судов, что при кассационном рассмотрении дела они обязаны исследовать, сопоставить и оценить все доказательства по делу с тем, чтобы решить вопрос, насколько вывод суда обоснован материалами дела.

При этом суды должны учесть: а) что они не вправе устанавливать и считать доказанными факты, не указанные в приговоре или отвергнутые им, и что при наличии к тому

оснований они могут в этих случаях передать дело на новое рассмотрение; б) что, отвергая вывод суда и передавая дело на новое рассмотрение, они обязаны указать, почему именно этот вывод суда является порочным и какие обстоятельства не учтены судом, но не вправе указывать на преимущества одних доказательств перед другими; в) что, передавая дело на новое рассмотрение, они не вправе предрешать вопрос о доказанности или недоказанности обвинения.

7. Обратить внимание председателей краевых, областных и приравненных к ним судов, а также верховных судов союзных и автономных республик, что они несут ответственность за установление порядка рассмотрения кассационных жалоб и протестов в точном соответствии с законом (ст. ст. 409, 410, 435, 436 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В частности, в тех союзных республиках, где это предусмотрено законом, должно быть обеспечено строгое и неуклонное соблюдение

норм, касающихся вызова сторон к рассмотрению дела в кассационном порядке.

При подаче кассационного протеста суд обязан поставить об этом в известность подсудимого и разъяснить ему, что он вправе представить письменное возражение на протест.

В случае отмены в порядке надзора кассационного определения и передачи дела на новое кассационное рассмотрение суд, вторично рассматривающий дело (в том числе и верховный суд союзной республики), обязан поставить об этом в известность подсудимого, чтобы предложить ему или его защитнику возможность принять участие в рассмотрении дела.

8. Указать верховным судам союзных республик, что при рассмотрении дела в порядке надзора они должны обращать самое серьезное внимание на то, соблюдены ли все требования закона при рассмотрении дела в кассационном порядке, и тем самым обеспечить строгое соблюдение законности в нижестоящих судах.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 42³ КЗОБСО РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ КЗОБСО ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК НЕОБХОДИМО ИЛИ НАЛИЧИЕ ПРЯМОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СТОРОНАМИ О ПРИНЯТИИ ОТВЕТЧИКОМ РЕБЕНКА НА ПОСТОЯННОЕ ВОСПИТАНИЕ, ИЛИ ЖЕ НАЛИЧИЕ ТАКИХ ФАКТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ИЗ КОТОРЫХ ЯВСТВУЕТ, ЧТО В ТЕЧЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ОТВЕТЧИК ВОСПИТЫВАЛ РЕБЕНКА, ЗАБОТИЛСЯ О НЕМ И СОДЕРЖАЛ ЕГО

*Дело Корниловой с Саидасановым о взыскании алиментов.
Постановление Пленума от 17 ноября 1950 г.*

В 1948 году Корнилова предъявила иск к Саидасанову о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося у нее 11 мая 1946 г. Саидасанов и Корнилова не состояли в зарегистрированном браке, но при регистрации рождения ребенка Саидасанов был записан отцом.

21 августа 1948 г. народный суд 2-го участка г. Маргелана иск Корниловой удовлетворил. Ферганский областной суд своим определением от 19 октября 1948 г. решение народного суда отменил и дело производством прекратил на основании ст. 20 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.

Определением Верховного суда Узбекской ССР от 18 ноября 1948 г., вынесенным по протесту Председателя Верховного суда Узбекской ССР, было отменено определение Ферганского областного суда и оставлено в силе решение народного суда. В мотивах определения указано, что в данном случае нет иска об установлении отцовства, так как Саидасанов записан в отделе загса отцом ребенка Корниловой и запись

эту не оспаривает, поэтому у областного суда не было оснований применить ст. 20 Указа от 8 июля 1944 г.

Председатель Верховного суда СССР принес на это определение Верховного суда Узбекской ССР протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, которая своим определением от 10 мая 1950 г. отклонила протест на том основании, что хотя ребенок действительно родился у истицы от ответчика, с которым она в зарегистрированном браке не состояла, но поскольку ребенок истицы находился на воспитании и иждивении у ответчика, суд в соответствии со ст. 36³ КЗОБСО Узбекской ССР имел право обязать Саидасанова платить алименты несовершеннолетнему сыну истицы.

В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР. Соглашаясь с протестом, Пленум находит, что определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР подлежит отмене, так как применение ею по настоящему делу ст. 36³ КЗОБСО

Узбекской ССР является совершенно произвольным.

Из содержания ст. 36³ КЗоБСО Узбекской ССР видно, что для применения ее необходимо или наличие между сторонами прямого соглашения с тем, что одна из них передает, а другая принимает к себе ребенка на постоянное воспитание с иждивением, или же наличие между ними таких фактических отношений, из которых явствует, что в течение определенного длительного времени лицо, не несущее в силу КЗоБСО обязанностей по воспитанию и содержанию детей, фактически постоянно (одно или совместно с родителем) воспитывало ребенка, заботилось о нем и содержало его.

Ни одного из этих обстоятельств в настоящем деле нет. Никто не утверждал, что между Корниловой и Саидасановым было соглашение о воспитании ребенка. Нет в деле никаких указаний и на то, что ребенок Корниловой находился фактически на постоянном воспитании у ответчика или что ответчик хотя бы принимал какое-либо участие в его воспитании. Из объяснений Корниловой в судебном заседании видно, что совместно, общей семьей или общим хозяйством, она с Саидасановым не жила и все отношения Саидасанова после рождения у нее ребенка свелись к тому, что «он в первые шесть месяцев платил, а потом прекратил». На основании таких

объяснений истицы нельзя сделать вывод, как это сделала Коллегия Верховного суда СССР, что ребенок истицы находился на воспитании с иждивением у ответчика.

По настоящему делу установлено, что Корнилова и Саидасанов в зарегистрированном браке не состояли и ребенок у истицы родился после Указа от 8 июля 1944 г. Из этих данных следует, что Ферганский областной суд обоснованно применил к делу ст. 20 этого Указа и прекратил дело производством за отсутствием у истицы права на иск.

То обстоятельство, что в свидетельстве о рождении ребенка Саидасанов записан отцом, не может иметь в данном случае значения, так как запись эта сделана вопреки ст. 21 Указа от 8 июля 1944 г. и наличие такой записи не дает основания разрешить настоящее дело по правилам Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 мая 1950 г. и определение Верховного суда Узбекской ССР от 18 ноября 1948 г. по настоящему делу отменить и оставить в силе определение Ферганского областного суда от 19 октября 1948 г. о прекращении дела производством.

2. ЛИЦА, ВСЕЛЕННЫЕ НА ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ, ЗАНЯТУЮ У СЪЕМЩИКА В СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ О СНИЖЕНИИ ЖИЛИЩНО-САНИТАРНЫХ НОРМ, НЕ ПОДЛЕЖАТ ВЫСЕЛЕНИЮ ПО ТЕМ ЛИШЬ ОСНОВАНИЯМ, ЧТО ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СНИЖЕНИИ ЖИЛИЩНО-САНИТАРНЫХ НОРМ ВПОСЛЕДСТВИИ БЫЛИ ОТМЕНЕНЫ

*Дело Полежаевой с Сенягиным о выселении.
Постановление Пленума от 17 ноября 1950 г.*

Полежаева, проживающая в г. Ташкенте по Аптекарскому переулку, д. № 82, предъявила к Сенягину иск о выселении, а Сенягин заявил встречный иск о разделе квартиры и изоляции комнат.

Народный суд 2-го участка г. Ташкента своим решением от 5 февраля

1947 г. иск Полежаевой удовлетворил, обязав районное жилищно-управление предоставить Сенягину жилплощадь в течение двух месяцев. Это решение было отменено определением Ташкентского областного суда от 14 апреля 1947 г., и дело передано на новое рассмотрение.

19 августа 1947 г. народный суд 35-го участка г. Ташкента удовлетворил иск Полежаевой о выселении Сенягина. Это решение было также отменено 12 декабря 1947 г. Ташкентским областным судом и дело передано на новое рассмотрение по тем основаниям, что райжилуправление, которое по решению суда было обязано предоставить Сенягину жилплощадь, не привлекалось к участию в деле; встречный иск Сенягина не рассматривался; кроме того, судом не было учтено то обстоятельство, что ответчик занял спорную площадь по ордеру райжилуправления.

7 февраля 1948 г. народный суд 1-го участка Центрального района г. Ташкента решил иск Полежаевой о выселении Сенягина удовлетворить, обязав райжилуправление предоставить в течение трех месяцев Сенягину жилплощадь. Это решение было оставлено в силе определением Ташкентского областного суда от 1 марта 1948 г.

Своим определением от 16 апреля 1949 г., вынесенным по заявлению Полежаевой, народный суд 1-го участка Центрального района изменил решение от 7 февраля 1948 г. в том смысле, что Сенягин подлежал выселению без предоставления жилой площади. Частная жалоба ответчика Ташкентским областным судом 16 мая 1949 г. оставлена без удовлетворения.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР своим определением от 11 июня 1949 г. определение народного суда от 16 апреля 1949 г. и определение Ташкентского областного суда от 16 мая 1949 г. отменила, оставив в силе решение народного суда от 7 февраля 1948 г. и определение Ташкентского областного суда от 1 марта 1948 г. с дополнением о том, что ордер, выданный райжилуправлением Сенягину на квартиру Полежаевой, признать действительным и обязать райжилуправление Центрального района предоставить Сенягину годную для

жилья квартиру до 1 сентября 1949 г., не ставя при этом выселение ответчика в зависимость от предоставления другого помещения.

По данному делу Председатель Верховного суда СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, полагая необходимым Полежаевой в иске отказать. Определением указанной Коллегии от 14 июня 1950 г. протест был отклонен и назначен новый срок выселения Сенягина — независимо от предоставления жилой площади.

В связи с этим Председатель внес протест в Пленум Верховного суда СССР. Рассмотрев протест, Пленум находит, что он подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В соответствии с постановлением СНК Узбекской ССР от 11 ноября 1941 г. у истицы была изъята часть жилплощади. Сенягин вселился на спорную площадь 27 декабря 1942 г. по ордеру № 6394. Эта площадь ему была предоставлена в связи с тем, что его площадь была заселена райжилуправлением другими лицами.

Во время заселения спорной жилой площади истица отсутствовала, и в Ташкенте жила ее сестра. Истица вернулась в 1943 году, а ее сестра вскоре вышла. Истица с дочерью и отцом (которые ранее на этой площади не проживали) занимают комнату площадью в 12 кв. м, ответчик — проходную комнату площадью 16 кв. м. Состав семьи ответчика — четыре человека, в том числе двое детей. С 1942 года на комнаты открыты отдельные лицевые счета.

В основе решений о выселении Сенягина и его семьи лежит утверждение, что поскольку жилплощадь у Полежаевой изъята на основании постановления СНК Узбекской ССР от 11 ноября 1941 г. о снижении санитарной нормы жилой площади в связи с эвакуацией предприятий и граждан, а это постановление отменено, Сенягин утратил право на жилплощадь, которую получил в связи с этим постановлением.

Такое утверждение не может быть признано основанным на законе.

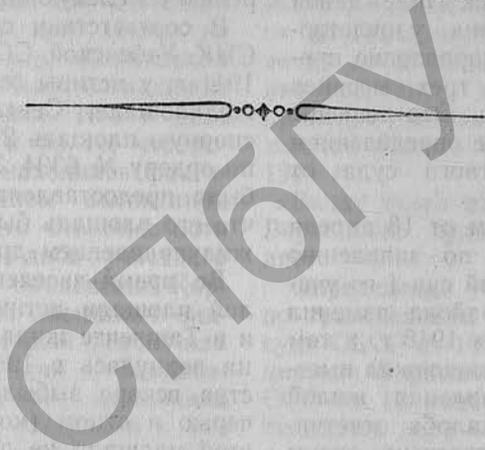
Лица, вселившиеся по ордерам райжилуправлений, выданным хотя бы и в связи с обстоятельствами военного времени, не могут быть выселены без предоставления жилой площади, поскольку на жилплощадь, которую они занимали до этого, право ими утрачено. Лицо, у которого жилплощадь была изъята, имеет право требовать возврата площади, если лицо, вселенное по временному ордеру, выедет или ему будет предоставлена другая жилплощадь.

Не состоятельно утверждение о невозможности изолировать комнату Сенягина от комнаты истицы. Из акта, имеющегося в деле, видно, что из комнаты площадью 12 кв. м может быть сделан выход на террасу общего пользования. Второй акт от

13 декабря 1946 г., обосновывая невозможность изоляции комнат, подменяет вопрос изоляции комнат вопросом об изоляции квартир. Утверждение, что если дверь из комнаты в 12 кв. м будет выходить не в комнату Сенягина, а на террасу, то ответчица лишается возможности пользования кухней и кладовой, является неправильным, так как вход в кухню и кладовую — с террасы, на которую будет выход из комнаты истицы, и местами общего пользования могут пользоваться семьи и истицы и ответчика.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Все составившие по делу решения отменить и в иске Полежаевой М. Г. к Сенягину В. В. отказать.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕДОСТАТОЧНО ПОЛНОЙ ПРОВЕРКИ СУДОМ МАТЕРИАЛОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Дело Трутнева, Шерстова и Трофимова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 28 октября 1950 г.

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Брестского областного суда по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на 15 лет заключения в исправительно-трудовой лагерь каждый осуждены Трутнев и Шерстов, а по ст. 196-1 УК БССР и ст. 5 названного Указа осужден Трофимов.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР на предмет отмены приговора и определения и направления дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Трутнев признан виновным в том, что он, работая завскладом № 3 «Заготзерно», занимался расхищением государственного зерна.

Всего им за период 1948 года было расхищено 13 875 кг зерна и 909 кг кукурузы. Кроме того, совместно с осужденным Шерстовым он похитил 16 332 кг ржи, а для сокрытия следов преступления он и Шерстов составили фиктивную бестоварную накладную об отправке этого зерна в разные организации.

Шерстов признан виновным в том, что он, работая завскладом № 5

«Заготзерно», занимался расхищением зерна. Всего им за период 1948 года было расхищено 453 кг пшеничной муки, 35 кг пшеницы, 7 кг ржаной муки и совместно с Трутневым похищено 16 332 кг ржи.

Трофимов признан виновным в том, что он, работая главным бухгалтером базы «Заготзерно», в 1947—1948 гг. не выставил платежных требований в Брестскую контору Госбанка о списании с орска железной дороги стоимости отпущенной орсу муки в количестве 54 994 кг и 968 мешков; несвоевременно занимался сверкой взаимных расчетов с указанным орсом и, кроме того, зная о хищении Трутневым и Шерстовым 16 332 кг ржи, не донес об этом органам власти.

Приговор областного суда и определение Верховного суда БССР подлежат отмене по следующим основаниям.

Суд не исследовал в судебном заседании всех обстоятельств дела. Судебное следствие проведено поверхностно, без достаточной проверки достоверности предъявленных Трутневу, Шерстову и Трофимову обвинений.

Причины недостачи зерна у Трутнева не выяснены. В приговоре указано, что вина Трутнева и Шерстова

подтверждается показаниями свидетелей, а каких — не указано.

В основу обвинительного приговора в отношении Трутнева и Шерстова положены следующие материалы предварительного следствия: акты зачистки, которыми установлена недостача зерна, и акты экспертизы, которые не указывают и не могут указать причин недостачи. Однако эти материалы в судебном заседании не были проверены с достаточной полнотой.

Допрошенные в судебном заседании свидетели не уличали Трутнева в расхищении зерна и муки. Свидетельницы Тюкова и Ульянова показали, что Трутнев честный и хороший работник.

Отдельные свидетели давали показания со слов других лиц о разбазаривании зерна Шерстовым. Так, свидетельница Ульянова показала, что Зайцева, Козлова и Юркова ей говорили, что Шерстов давал им муку для изготовления и продажи пирожков. Свидетель Гуренко показала, что ей со слов Даниловой известно, что Шерстов давал Даниловой муку; свидетельницы Данилова, Юркова и Козлова в судебное заседание не вызваны и не допрошены.

На предварительном следствии свидетельница Зайцева утверждала, что Шерстов давал ей муку, в судебном заседании она отрицала эти показания и заявила, что муки Шерстов ей не давал. Суд не проверил, почему свидетельница Зайцева изменила свои показания.

Участовавший в судебном заседании адвокат, защищавший Шерстова, ходатайствовал о вызове свидетельницы Даниловой, но суд отклонил это ходатайство, однако тут же записал: «разрешить адвокату вызвать Данилову в судебное заседание».

Трутнев и Шерстов отрицали свою вину в расхищении зерна и муки. Обнаруженную недостачу они объяснили тем, что зерно поступало влажным и процент естественной убыли при зачистке был применен неправильно, что весы «хронос», а также сушилка, где сушилось зер-

но, были неисправны; счетчики весов не работали, и нельзя было определять точный вес поступавшего зерна на просушку.

Осужденный Трутнев показал, что ввиду неисправности весов и сушилки и невозможности учета просушиваемого зерна у кладовщика Тарасевича, к которому поступало это зерно после просушки, образовались излишки зерна.

Эти обстоятельства подтвердили свидетели Балыков, Лещенко, эксперты Журик и Животовский, которые показали, что у Тарасевича было обнаружено 1480 кг излишков овса, который поступал на просушку только со склада Трутнева, и эти излишки зачтены в недостачу последнему.

Свидетель Балыков показал, что весы «хронос» и сушилка были неисправны, но просушку вынуждены были производить и пользоваться этими весами, так как много зерна поступало с повышенной влажностью. Свидетель Лещенко объяснил, что он также со своего склада просушивал зерно в тот же период, когда сушили овес со склада Трутнева, и у него, Лещенко, из 56 т просушенного зерна нехватило 909 кг.

Кроме того, свидетель Лещенко объяснил, что из-за неисправности весов «хронос» вес влажного зерна определяли по весу сухого, что могло привести к ошибке.

Все эти обстоятельства на судебном следствии не выяснены. Какое влияние неисправность весов и сушилки могли иметь на недостачу зерна у Трутнева, не выяснено. Из имеющихся в деле документов видно, что овес на складе у Трутнева значится по приходу с влажностью 15,5% и по расходу — 15,8%.

Между тем из приложенных к жалобе документов проведенной объединением «Центрозаготзерно» дополнительной проверки работы Трутнева видно, что по приходу влажность зерна на складе Трутнева составляет 16% и по расходу — 16,7%.

Из этих документов также видно, что в начале 1949 года была прове-

дена контрольная проверка и из 25 тонн просушенного зерна нехватило 176 кг, или 0,7%. Если применить этот процент убыли ко всему просушенному Трутневым зерну, то никакой недостачи у него не будет.

В письме объединения «Центрозаготзерно» указано, что экспертиза при расследовании дела неправильно применила заниженный процент влажности по складам Трутнева и Шерстова, что привело к недостаче у них зерна и муки.

Не исследован судом в достаточной степени вопрос о хищении Трутневым и Шерстовым 16 332 кг ржи, не выяснено, у кого из них по складу недостает указанного количества зерна, по какой причине и имелась ли вообще эта недостача.

В отношении Трофимова в приговоре не указано, в чем выражается злоупотребление служебным положением с его стороны. Изложенная в приговоре формулировка обвинения Трофимова подпадает под признаки ст. 196 УК БССР.

Вопрос о недоносительстве со стороны Трофимова надлежит решить

в зависимости от рассмотрения дела в отношении Трутнева и Шерстова.

Кроме того, протест судебного заседания составлен небрежно. В нем имеются многочисленные помарки, новые вставки и приписки, не оговоренные в надлежащем порядке.

Таким образом, протокол судебного заседания является недоброкачественным.

При дополнительном рассмотрении необходимо тщательно исследовать все обстоятельства дела и в зависимости от этого решить вопрос о степени виновности и квалификации преступления каждого обвиняемого.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Брестского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР в отношении Трутнева, Шерстова и Трофимова отменить, а дело о них направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

2. ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО, КАК ОСНОВАННОЕ НА УЛИКЕ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ, НЕ ОПРОВЕРГНУТЫМИ ПО ДЕЛУ

Дело Соловьева. Определение Железнодорожной коллегии от 21 октября 1950 г.

По приговору линейного суда Южно-Уральской ж. д. Соловьев по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по суду оправдан за недоказанностью обвинения.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Железнодорожная коллегия установила:

Соловьев обвинялся в том, что он в ночь на 7 февраля 1950 г. путем срыва пломбы вагона и закрутки похитил из вагона-ледника на ст. Троицк пять ящиков маргарина общим весом 109 кг.

Суд мотивировал оправдание Соловьева необидительностью показа-

ний свидетелей Дубового и Вишнякова, являвшихся очевидцами хищения, наличием неприязненных отношений между подсудимым и свидетелем Тюрневым, изблещавшим Соловьева в краже маргарина, а также тем обстоятельством, что один из похищенных ящиков маргарина при обыске был обнаружен и изъят во дворе дома Соловьева «без его участия или кого-либо из членов семьи».

Генеральный Прокурор СССР в протесте указывает, что доводы суда основаны на неправильной оценке имеющихся доказательств и противоречат следующим материалам дела:

Свидетели Дубовой и Тюрнев утверждают, что в их присутствии

Соловьев переносил похищенные ящики с маргарином. Это же подтвердил на предварительном следствии свидетель Вишняков, который в судебном заседании допрошен не был. Признать неубедительными показания свидетеля Вишнякова без его допроса в судебном заседании, при отсутствии к этому препятствий, суд не должен был.

Если у суда возникли сомнения в отношении обстоятельств обнаружения похищенного ящика маргарина, спрятанного во дворе дома Соловьева, в трех метрах от входной двери, то он мог в соответствии со ст. 301 УПК РСФСР осмотреть это место или же вызвать и допросить присутствовавших при обыске понятых. В данном случае суд без должной проверки неправильно отказался рассматривать как доказательство результаты обыска.

Требования окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа о выяснении обстоятельств, при которых Соловьев угощал похищенным маргарином машиниста Спирина, судом не выполнены. Спирин в судебном заседании не допрашивался.

По указанным основаниям Генеральный Прокурор СССР в протесте просит приговор линейного суда от 18 апреля 1950 г. в отношении Соловьева отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Железнодорожная коллегия находит, что приговор линейного суда вынесен в соответствии с материалами дела, а протест Генерального Прокурора СССР подлежит отклонению по следующим основаниям.

Линейный суд в судебном заседании, исследовав все материалы дела, дал оценку собранным по делу доказательствам.

Линейный суд признал, что допрошенные в судебном заседании свидетели Чуйков, Лежнев, Плаксин, Лобов, Иванов, Сотников, Левенцов, Батушкин и Кобызев не назвали ни одного факта, могущего быть положенным в основу обвинения Соловьева.

Лишь один свидетель Тюрнев показал на суде, что он видел в ночь на 7 февраля 1950 г., как Соловьев носил ящики с маргарином с путей в депо, однако и эти показания Тюрнева линейный суд не признал доказательством вины Соловьева потому, что Тюрнев при допросе его на предварительном следствии 7 февраля 1950 г. указывал, что ящики переносил не известный ему гражданин, с которым он разговаривал и может опознать поэтому его личность. Суд установил, что Тюрнев и Соловьев хорошо знают друг друга с 1948 года и поэтому, естественно, Тюрневу незачем было при этих обстоятельствах называть Соловьева «неизвестным» и предлагать свои услуги для «опознания» Соловьева. Суд признал, что у Тюрнева с Соловьевым неприязненные отношения, возникшие в связи с тем, что Тюрнев, будучи на квартире у Соловьева в пьяном виде, учинил драку, а Соловьев выгнал его за это из своей квартиры.

Суд также признал, что показания свидетелей Дубового и Вишнякова не могут служить доказательствами виновности Соловьева в инкриминируемом ему преступлении. На предварительном следствии Дубовой показал, что он видел Соловьева возле ящиков с маргарином, сложенных у помещения дежурного по депо, что якобы он, Дубовой, в помещении дежурного по депо в присутствии Лобова, Иванова и Лежнева слышал от Иванова, что хищение маргарина совершил Соловьев, что якобы эти лица, кроме того, в момент этого разговора решили между собой скрыть Соловьева и что Лобов поэтому при допросе его в отделе охраны МГБ ст. Троицк заявил что, кем украдены ящики, ему не известно.

Свидетель Иванов в суде полностью отверг показания Дубового, заявив при этом, что о Соловьеве в помещении дежурного по депо он никакого разговора вообще не вел и его фамилию не произносил. Это же подтвердили Лежнев и Лобов. Свидетель Лобов полностью отверг

показания Дубового в той части, что якобы он отводил Соловьева от ящиков с маргарином и увещевал его, а затем скрывал его от органов МГБ. Лобов убедительно пояснил, а Лежнев и Иванов подтвердили, что никакого разговора между ними о том, чтобы скрыть Соловьева, не было и показания Дубового в этой части являются вымышленными.

Свидетель Вишняков в суде не допрошен, так как он призван в Советскую Армию. На предварительном же следствии он утверждал, что фамилию мужчины, перетаскивавшего ящики с маргарином со станционных путей к помещению депо, он не знает, но личность опознать его может.

Из материалов предварительного следствия и из показаний свидетеля Тюрнева в судебном заседании устанавливается, что один ящик маргарина Вишняков сам взял с того места, где они лежали около депо, и спрятал на стоявший рядом холодный паровоз, причем Тюрнев пояснил, что это было сделано Вишняковым по указанию Дубового из тех соображений, что ящики мешали проходу их паровоза так как находились близко к паровозу и этим создавалась угроза поломки цилиндропродувательных кранов. При таких обстоятельствах показания Дубового, Тюрнева и Вишнякова суд не признал доказательствами виновности Соловьева в хищении маргарина.

В показаниях свидетеля Плаксина на предварительном следствии указано, что со слов свидетеля Левенцова ему известно о том, что в ночь на 7 февраля 1950 г. Соловьев зашел в подвечный цех, взял железную трубу и ушел по направлению парка ст. Троицк. Плаксин

и в данном судебном заседании подтвердил этот слышанный от Левенцова разговор. Допрошенный же в судебном заседании Левенцов показал, что ему говорили мастер колесного цеха Батушкин и слесарь Кобызев, что Соловьев заходил в цех и брал трубу. Допрошенные в судебном заседании Батушкин и Кобызев полностью отвергли такое утверждение Левенцова, заявив, что они и сами не видели Соловьева выносящим трубу из цеха и никакого разговора по этому поводу не вели и ни от кого другого этого разговора не слышали.

Линейный суд признал, что факт обнаружения ящика с маргарином на территории двора дома, где проживает Соловьев, в отрыве от других доказательств дела не может служить доказательством вины Соловьева в хищении маргарина, во-первых, потому, что, как это установлено судом, занимаемая Соловьевым усадьба под его жилой постройкой совершенно не имеет ограды и поэтому посещение ее доступно каждому, и, во-вторых, обыск производился без участия Соловьева или кого-либо из членов семьи Соловьева и никому из них в то время не было известно место обнаружения маргарина на территории их постройки.

На основании вышеуказанного линейный суд признал недоказанным предъявленное Соловьеву обвинение и вынес в отношении его оправдательный приговор. Протест не опроверг доводов приговора линейного суда.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Протест по настоящему делу отклонить.

3. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТМЕНЕНО, КАК НЕ ОСНОВАННОЕ НА МАТЕРИАЛАХ ДЕЛА

Дело Желтова, Пестряева и Пряжевского. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 25 октября 1950 г.

Приговором Верховного суда Башкирской АССР осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Со-

вета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и обществен-

ного имущества» Желтов, Пестряев и Пряжевский.

Определением Верховного суда РСФСР приговор отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР об отмене определения Верховного суда РСФСР и направлении дела на новое кассационное рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Желтов, работавший главным бухгалтером Управления полиграфических предприятий при Совете Министров Башкирской АССР, Пестряев — инструктором по печати и Пряжевский — главным бухгалтером издательства областных газет, признаны виновными в том, что они по сговору между собой на протяжении 1946—1948 гг. занимались хищением государственных средств путем составления фиктивных документов на производство различных погрузо-разгрузочных работ. Всего ими похищено 71 832 руб.

Верховный суд РСФСР приговор отменил и дело направил на дальнейшее расследование по следующим мотивам:

Предварительное и судебное следствие по данному делу проведено неполно. Только в 1947 году в адрес Управления прибыло 56 партий груза. Однако объем грузооборота и размер фактически израсходованных средств по делу в достаточной степени не исследован, а также не произведен анализ дат прибытия грузов и составления ведомостей на выдачу заработной платы.

Бухгалтерская ревизия произведена без участия обвиняемого Пряжевского.

В связи с изложенным Верховный суд РСФСР своим определением нашел необходимым произвести судебно-бухгалтерскую экспертизу.

Определение подлежит отмене по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, погрузо-разгрузочные работы из-за отсутствия штатных рабочих выполнялись не посторонними рабочими,

а предложившими для этой цели свои услуги сотрудниками Управления, в частности Пестряевым, Филипповым, Лебедевым, Курамшиным и Аменевым, что полностью подтверждается показаниями последних, а также и отсутствием в делах Полиграфического управления трудовых соглашений на производство погрузо-разгрузочных работ посторонними рабочими.

Кроме того, на оплату всех работ, связанных с поступлением и отгрузкой всех 56 партий груза, имеются подлинные документы — ведомости на выдачу зарплаты, расходно-кассовые ордера и даже приходные накладные, которые полностью соответствуют объему грузооборота и приобщены к настоящему делу.

Действительность указанных документов и их соответствие перечню поступления грузов (а тем самым и объему грузооборота) в достаточной степени исследованы произведенной ревизией.

Таким образом, все произведенные погрузо-разгрузочные работы по поступившим 56 партиям грузов были оплачены полностью, причем по документам, действительность которых не вызывает сомнений.

Вместе с тем, помимо подлинных документов на оплату погрузо-разгрузочных работ, на оплату этих же самых работ Желтовым и Пестряевым изготовлено 20 фиктивных документов — ведомостей на выдачу зарплаты посторонним рабочим, на общую сумму 71 832 р. 50 к.

Фиктивность указанных ведомостей не отрицают в своих показаниях ни Пестряев, ни Желтов, и это обстоятельство, кроме того, подтверждается заключением графической экспертизы, а также и показаниями свидетелей Баева, Филиппова и др., утверждавших, что посторонних рабочих для производства погрузо-разгрузочных работ Управление никогда не нанимало.

Кроме того, Пестряев полностью признался в получении по этим ведомостям 71 832 руб. и в присвоении их совместно с Желтовым и

Пряжевским, что также подтверждается материалами дела.

Таким образом, поскольку на оплату всех погрузо-разгрузочных работ имеются в деле соответствующие подлинные документы и помимо них Желтовым и Пестряевым сфабриковано 20 фиктивных документов, фиктивность которых доказана материалами дела, необходимости производства судебно-бухгалтерской экспертизы по делу нет, и у Верховного суда РСФСР не было оснований для отмены приговора и

направления дела на доследование по мотивам неполноты предварительного следствия.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Желтова, Пестряева и Пряжевского отменить и дело о них направить на новое кассационное рассмотрение в Верховный суд РСФСР в ином составе судей.

4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА НЕПРАВИЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛУ

Дело Ракитина и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26 октября 1950 г.

10881211
Приговором Рязанского областного суда 9 мая 1950 г. Ракитин в числе других осужден по ст. 59^б УК РСФСР и по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Верховного суда РСФСР от 12 июня 1950 г. приговор в отношении Ракитина отменен и дело о нем направлено на доследование.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставился вопрос об отмене определения Верховного суда РСФСР и направлении дела в отношении Ракитина на новое кассационное рассмотрение, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Ракитин признан виновным в том, что вечером 7 февраля 1950 г. совместно с осужденными по данному делу Сорокиным и Томилиным совершил вооруженное ограбление закусочной № 1 Рязанского треста столовых, где похитил товароматериальных ценностей на сумму 1142 р. 46 к., а 18 февраля 1950 г. по спо-

вору также с Сорокиным и Томилиным совершил ограбление палатки № 1 Рязторгина и похитил товароматериальных ценностей на сумму 533 р. 22 к.

Верховный суд РСФСР приговор в отношении Ракитина отменил с направлением дела на доследование по следующим мотивам:

Осужденные Сорокин и Томилин на суде изменили свои показания, данные ими на предварительном следствии, в которых они изобличали Ракитина, и заявили, что Ракитин с ними в совершенных ограблениях участия не принимал и на предварительном следствии был ими оговорен в целях сокрытия действительного соучастника ограбления Соушкина, который по делу не привлечен к уголовной ответственности, а также и сам Ракитин снял в судебном заседании самооговор, и что судом неполно были исследованы все обстоятельства по делу.

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Ракитина подлежит отмене по следующим основаниям:

Доводы Верховного суда РСФСР основаны исключительно на касса-

ционных жалобах осужденных и не подкреплены никакими доказательствами.

Выдвинутая осужденными Сорокиным и Томилиным версия о том, что с ними вместе принимал участие в ограблениях Совушкин, является совершенно голословной и противоречит добытым доказательствам по делу.

Признавая за истину доводы осужденных, изложенные в кассационных жалобах, Судебная коллегия Верховного суда РСФСР без всяких к тому оснований отвергла добытые доказательства по делу, уличающие Ракитина, Сорокина и Томила в совершенных ограблениях.

Обвиняемый Ракитин на предварительном следствии как в органах милиции, так и на допросах в прокуратуре подробно рассказывал, при каких обстоятельствах были им вместе с Сорокиным и Томилиным совершены грабежи ларьков и палаток в г. Рязани.

Такие же показания давали на предварительном следствии осужденные Сорокин и Томилин, которыми уличали друг друга в совершенных грабежах, и подробно рассказывали об обстоятельствах ограблений, причем показания всех подсудимых являются тождественными.

Голословный отказ Ракитина от своих показаний, данных им на предварительном следствии, опровергается тем, что именно Ракитин в присутствии понятых и в отсутствие осужденных Сорокина и Томила указал те палатки и ларьки, расположенные в г. Рязани, в которых ими 7 и 18 февраля 1950 г. были произведены ограбления.

Самоговор Ракитина исключается еще и теми обстоятельствами, что Ракитин свои показания о его участии в ограблениях палаток и ларьков совместно с Сорокиным и Томилиным на предварительном следствии давал, будучи еще на свободе, и раньше, нежели о нем как о соучастнике дали показания на предварительном следствии Сорокин и Томилин.

На предварительном следствии и суде очевидцы-свидетели Дергачева, Валовик и Артамонов категорически утверждали, что Ракитин был одним из активных участников в ограблении палаток и ларьков, так как они его хорошо опознали по росту, одежде и лицу.

В процессе предварительного следствия ни один обвиняемый не выдвигал версию, что в ограблении принимал участие не Ракитин, а Совушкин.

Ракитин в судебном заседании подтвердил, что все показания, данные им на предварительном следствии, записаны с его слов правильно и лично им прочитаны и подписаны, но в этих показаниях он оговорил сам себя, причем самоговор Ракитин объяснил не воздействием на него со стороны органов следствия в процессе допросов, а только боязнью возможности такого воздействия. Следовательно, утверждение Верховного суда РСФСР о том, что Ракитин на предварительном следствии мог дать показания, уличающие себя, вследствие нарушения органами расследования ст. 136 УПК, является голословным и не находит себе подтверждения в материалах дела.

Областной суд при рассмотрении дела подробно выяснил причины изменения своих показаний осужденными Ракитиным, Сорокиным и Томилиным и не нашел оснований верить выдвинутой ими в суде версии о невиновности Ракитина.

При этих данных у Верховного суда республики не было оснований для отмены приговора в отношении Ракитина и направления дела на дознание. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Ракитина отменить и дело о нем направить на новое кассационное рассмотрение в тот же Верховный суд РСФСР, в ином составе судей.

5. ОПОЗНАНИЕ ПРЕСТУПНИКА ПОТЕРПЕВШИМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛОЖЕНО В ОСНОВУ ОБВИНЕНИЯ, ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ СОМНЕНИЯ В ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫВОДОВ ОПОЗНАЮЩЕГО

Дело Сумского. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 11 октября 1950 г.

По приговору Ростовского областного суда Сумский осужден по ч. 3 ст. 167 УК РСФСР.

Верховным судом РСФСР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора и направлении дела на доследование, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Как указано в приговоре, Сумский совместно с неизвестным гражданином в ночь на 17 марта 1947 г. с целью грабежа совершил вооруженное нападение на квартиру гр-на Лобанова. Во время нападения Сумский нанес удар металлическим предметом гр-ну Лобанову, а затем скрылся.

Приговор и определение подлежат отмене с направлением дела на доследование по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что с 16 на 17 марта 1947 г. в 12 час. ночи неизвестные лица через окно в коридоре пытались проникнуть в квартиру гр-на Лобанова, проживающего в поселке Антиповка Новошахтинского района Ростовской области.

Допрошенный по этому поводу потерпевший Лобанов показал, что, услышав шум, он вышел в коридор и, увидев, что оторвана доска, которой было забито окно, взял лом и через проделанную преступниками в окне щель начал отгонять нападающих. В это время один из преступников нанес ему удар, которым рассек щеку. Одновременно он, Лобанов, услышал голос одного преступника, по которому узнал Сумского, работавшего с ним на одной шахте. Кроме того, Лобанов показал, что Сумского он увидел в лицо, когда тот осветил себя электрическим фонарем. После этого преступ-

ники произвели два выстрела и скрылись. Других доказательств, уличающих Сумского в разбойном нападении на Лобанова, в деле нет.

Сумский виновным себя не признал и показал, что 16 марта 1947 г. он работал в шахте до 9 час. вечера, в десятом часу пришел домой и никуда не уходил больше. Эти объяснения Сумского по делу не проверены. Правдоподобность показания потерпевшего Лобанова вызывает сомнение, так как в указанной обстановке едва ли возможно безошибочно узнать по голосу человека, произнесшего несколько слов. Сомнительно также, чтобы преступник при нападении начал освещать себя электрофонарем, как об этом утверждает потерпевший.

Нельзя не учесть и того обстоятельства, что, как показала допрошенная по делу жена потерпевшего, ее муж Лобанов о том, что в числе нападавших был Сумский, сказал ей только утром 17 марта 1947 г., после того, как дважды побывал в отделении милиции, но сразу же после нападения он ей о Сумском не говорил.

По делу не исследован ряд других обстоятельств, имеющих значение для правильного решения вопроса о виновности. Не допрошен и Пятибратов, который, услышав шум на улице, первый прибежал к месту происшествия.

Судом неосновательно отклонено ходатайство адвоката, защищавшего Сумского, о вызове в суд в качестве свидетеля Воробьева, который, по заявлению Сумского, находясь в одной с ним камере, признался, что разбойное нападение на Лобанова совершил он, Воробьев.

Не проверены мотивы, которые могли бы побудить Сумского на совершение такого преступления. Из материалов дела видно, что Сумский

являлся участником Отечественной войны, имеет правительственные награды, руководством шахты характеризуется как хороший производитель и общественник.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, находя

дело не исследованным с достаточной полнотой, определила:

Приговор Ростовского областного суда и определение Верховного суда РСФСР по делу Сумского отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

6. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ И СУДЕБНЫМ СЛЕДСТВИЕМ НЕ УСТАНОВЛЕН УМЫСЕЛ, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ХИЩЕНИЕ

Дело Челенкова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 3 ноября 1950 г.

По приговору народного суда 1-го участка Джапаридзевского района г. Баку Челенков осужден по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора и определения и прекращении дела производством, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Челенков признан виновным в том, что он 16 июня 1950 г. в 3 часа дня путем подбора ключа проник в квартиру гр-ки Лесниковой и похитил принадлежащие Лесниковой ситцевый халат, ситцевое платье, полотенце, детский пиджак и деревянную вешалку.

Приговор и определение подлежат отмене и дело возвращению на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям:

Допрошенный на предварительном и судебном следствии Челенков показывал, что 16 июня 1950 г. был в такой степени опьянения, что не помнит, каким образом он проник в квартиру гр-ки Лесниковой и зачем брал эти вещи. Эти показания Челенкова ничем не опровергнуты, а, напротив, вынос из квартиры таких малоценных вещей, как ситцевый халат и деревянная вешалка

при наличии в квартире более ценных вещей — отрезков, пальто и др., тот факт, что в 3 часа дня у всех на виду вынес эти вещи и не пытался скрыться, когда его останавливали, а также то, что он говорил задерживающим его гражданам, что взял эти вещи потому, что поссорился с женой, дают основание полагать, что Челенков названные вещи взял, будучи пьяным, не отдавая себе отчета в своих действиях.

На судебном заседании адвокатом подсудимого Челенкова было возбуждено ходатайство о вызове в суд в качестве свидетеля Анодиной для подтверждения того обстоятельства, что Челенков раньше жил в этой квартире и что он туда мог попасть по ошибке, будучи в нетрезвом виде.

Однако суд неосновательно отклонил это ходатайство адвоката, имеющее существенное значение для дела.

Из представленной Верховному суду СССР справки, подписанной Анодиной, видно, что Челенков действительно ранее жил в этой квартире.

Не обосновано утверждение приговора, что Челенков открыл дверь в квартиру Лесниковой путем подбора ключей. Как видно из акта задержания Челенкова, у него никаких ключей не обнаружено.

В своей кассационной жалобе Челенков указывал, что он был настолько пьян, что даже работники милиции не могли допросить его в день задержания. Это обстоятель-

ство также судом в достаточной степени не проверено, хотя из акта задержания Челенкова видно, что этот акт им не подписан, а допрошен он был 17 июня 1950 г., т. е. на следующий день после задержания.

Таким образом, суд, констатировав факт взятия Челенковым вещей, принадлежащих Лесниковой, совершенно не исследовал причин, побудивших его к этому, и не установил цель его действий — основного элемента состава преступления хищения.

7. НЕДОСТАЧА ВВЕРЕННОГО ДОЛЖНОСТНОМУ ЛИЦУ ИМУЩЕСТВА ДАЕТ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОБВИНЕНИЯ ЕГО В ХИЩЕНИИ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ПО ДЕЛУ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО НЕДОСТАЮЩЕЕ ИМУЩЕСТВО НЕЗАКОННО ОБРАЩЕНО ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ ИЛИ УМЫШЛЕННО ПЕРЕДАНО ИМ В СОБСТВЕННОСТЬ ДРУГОГО ЛИЦА

Дело Авраменко. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 23 августа 1950 г.

(Извлечение)

По приговору народного суда 2-го участка Исфаринского района Ленинадской области Авраменко был осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Ленинабадский областной суд приговор оставил в силе.

Авраменко признан виновным в том, что он, работая с 21 июня 1948 г. по 28 марта 1949 г. в должности заведующего складом орсатреста «Таджикуголь», допустил недостачу товаров на 25 238 руб.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор и определение подлежат изменению по следующим основаниям:

Основываясь на данных недостачи товаров, народный суд признал, что Авраменко товары на недостающую сумму похитил. Этот вывод суда не соответствует обстоятельствам дела, так как в деле отсутствуют доказательства, уличающие Авраменко в хищении товаров.

Авраменко, отрицая свою вину в хищении товаров, показал, что недо-

Поэтому, частично соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Джапаридзевского района г. Баку и определение Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Челенкова отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в другой народный суд.

стача товаров складывается из стоимости продуктов, которые пришли в негодность, но порча их не была надлежащим образом оформлена, поэтому эти испорченные продукты и не были списаны.

Свидетели Свидовский, Силантьев и Ваганов показали на суде, что недостача товаров у Авраменко значится ввиду того, что он несвоевременно оформлял и представлял документы на испортившиеся продукты.

Из акта ревизии от 28 апреля 1949 г. видно, что Авраменко своевременно не представлял в бухгалтерию актов на испортившиеся продукты и что Авраменко не имел надлежащего инструктажа о хранении продуктов.

При наличии указанных данных осуждение Авраменко за хищение продуктов нельзя признать обоснованным.

Авраменко должен быть признан виновным в том, что он по своей преступной небрежности несвоевременно оформлял акты на пришедшие в негодность продукты, и за это он должен нести ответственность по ч. 1 ст. 135 УК Таджикской ССР (халатность).

8. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ С ЦЕЛЬЮ ОБРАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В СВОЮ ПОЛЬЗУ СЛЕДУЕТ РАССМАТРИВАТЬ КАК ХИЩЕНИЕ

Дело Косжанова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 21 октября 1950 г.

По приговору Актюбинского областного суда Казахской ССР Косжанов осужден по ст. 109 УК РСФСР со взысканием в пользу колхоза 5646 руб.

Определением Верховного суда Казахской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР на предмет отмены приговора, определения и передачи дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Косжанов признан виновным в том, что с апреля 1948 года по февраль 1949 года, работая председателем правления колхоза, злоупотребляя своим служебным положением, без постановления общего собрания колхозников обменял свою корову на более лучшую колхозную корову; совместно с колхозником Алекиным забил другую колхозную корову, а взамен передал колхозу двух телят; колхознику Алмагамбетову обменял одного тощего быка на упитанного колхозного быка.

Кроме того, Косжанов зарезал двух коз, а мясо присвоил; в 1948 году во время сенокоса через колхозника Бокишева продал три воза сена на 1210 руб., деньги присвоил; также через Алмагамбетова продал две машины сена за 1200 руб., из этой суммы 200 руб. отдал Алма-

гамбетову, а 1000 руб. присвоил; продал кожзаводу сенокосные угодья за 1200 руб. и деньги присвоил.

Из подотчетных сумм присвоил 1036 руб., представив вышестоящим органам очковгирательские сведения о заготовке 4800 ц сена, тогда как фактически было заготовлено 2397 ц сена.

Приговор областного суда и определение Верховного суда Казахской ССР подлежат отмене по следующим основаниям.

Материалами дела полностью доказана виновность Косжанова в том, что он систематически расхищал колхозное имущество.

Однако преступление Косжанова вместо ст. 109 УК РСФСР надлежало квалифицировать по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», так как Косжанов путем различных злоупотреблений своим служебным положением обращал колхозное имущество в свою пользу.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор областного суда и определение Верховного суда Казахской ССР по делу Косжанова отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

9. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ЗА НЕВЫЯСНЕННОСТЬЮ РЯДА СУЩЕСТВЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ

Дело Нечаева. Определение Водно-транспортной коллегии от 26 июля 1950 г.

По приговору линейного суда Средне-Волжского бассейна Нечаев был осужден по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Нечаев признан виновным в том, что он, работая начальником строительно-хозяйственной группы в речном порту, в период 1948—1949 гг. занимался хищениями государственного имущества. В частности, в де-

кабре 1948 года Нечаев получил из склада 18 куб. м леса, но деньги за лес не уплатил; из 18 куб. м этого леса им было завезено на лесопилку всего лишь 11 куб. м, но с лесопилки он вывез 15,3 куб. м пиломатериала из расчета 18 куб. м леса; в разное время 1949 года Нечаев присвоил 13 куб. м дров, принадлежащих порту; в сентябре 1949 года Нечаев похитил из порта 20 кг гвоздей, передав их в колхоз, откуда получил за это барана; получив за работу автомашины из колхоза две тонны сена, он их продал гр-ке Муртазиной и деньги присвоил.

Приговор линейного суда подлежит отмене по следующим основаниям:

Неосновательно утверждение суда, что Нечаев похитил 18 куб. м леса. Такое утверждение прямо противоречит имеющимся в деле документам, из которых видно, что лес Нечаев получил по официальным документам и по разрешению начальника узла связи и что лес этот отпускали сотрудники узла связи Петрунин и Пережогин. Если бухгалтерия узла связи своевременно не взыскала с Нечаева за полученный лес деньги, то за это Нечаев не может нести ответственности в уголовном порядке.

Не исследован в достаточной степени вопрос о том, какое количество леса вывез Нечаев на лесопилку. С одной стороны, в деле имеются данные, что из полученных 18 куб. м леса Нечаев продал 7 куб. м и, таким образом, мог сдать на лесопилку лишь 11 куб. м леса. С другой стороны, Нечаев утверждал, что им эти 7 куб. м леса были приобретены у других лиц и он сдал не 11, а 18 куб. м леса. Утверждение Нечаева находит подтверждение в показаниях свидетеля Ведяпина, принимавшего лес на лесопилку, и свидетеля Кузянина. В частности, свидетель Ведяпин показал, что он лес принимал сам лично и Нечаев ему сдал на распиловку не 11, а 18 куб. м леса. При этом недостачи пиломатериалов на лесопилке по делу не установлено.

Продажу дров в количестве 13 куб. м Нечаев не отрицает, и это обстоятельство подтверждают свидетели: Наймарк, Титов, Шалаева и Лаптева. Однако по делу не собрано достаточных доказательств, свидетельствующих, что Нечаев эти дрова в разное время присвоил из дров порта. Из показаний Наймарк и Самарина, а также из справки порта видно, что Нечаев три куб. м дров переуступил по себестоимости Наймарк и за эти дрова уплатил деньги в кассу. Титову 3 куб. м были отпущены Барановым, который выписал их на свое имя, что подтверждается не только Титовым и Барановым, но и приобщенным документом. Остальные 7 куб. м дров, проданные Нечаевым, по утверждению его приобретены им были на стороне. Эти объяснения Нечаева подкреплены свидетелями Барановым и Ведяпиным, которые показали, что подобных дубовых дров на складе в 1949 году не было; об этом же говорит и справка на листе дела 400.

Не исследован также вопрос о хищении 20 кг гвоздей. По делу не исследовано, кто похитил гвозди, когда и из каких источников, так как из дела видно, что по складу порта никакой недостачи гвоздей не обнаружено.

В хищении гвоздей и сена Нечаев уличался свидетелями Пиуновым и Япаровым, но показания этих свидетелей требуют проверки. Пиунов в своих показаниях ссылаясь на то, что за похищенные гвозди он дал Нечаеву половину туши овцы в присутствии шофера Самарина. Свидетель Самарин ссылку Пиунова не подтвердил и показал, что на квартире у Пиунова не бывал и никакого мяса не видел. Показания Пиунова по поводу продажи сена Нечаевым Муртазиной не нашли своего подтверждения, так как Муртазина на предварительном и судебном следствии прямо заявила, что она у Нечаева не только не покупала сена и не платила ему денег, но его впервые увидела лишь при предъявлении в органах следствия.

Не исключена возможность, что

Пиунов с Япаровым могли совместно действовать по получению и реализации гвоздей и сена и для отвода от себя обвинения оговорить Нечаева. Это обстоятельство тем более требует проверки, что Пиунов в путевом листе сделал неправильные записи и уничтожил имевшиеся у него справки из сельсовета на провоз сена и овцы.

Кроме того, отвергая обвинение Нечаева в незаконном отпуске Пиунову 700 кг сена, заготовленного для порта, суд тем самым факти-

чески признал, что Пиунов 700 кг сена похитил, а из показаний свидетелей видно, что Пиунов также присвоил мешок овса. Несмотря на это, Пиунов фигурирует по делу в качестве свидетеля.

В силу изложенных обстоятельств Водно-транспортная коллегия определила:

Приговор в отношении Нечаева отменить, а дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

10. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ст. 97 УК УССР ВМЕСТО ч. 2 ст. 100 УК УССР

*Дело Нечипора. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 15 ноября 1949 г.*

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Дрогобычского областного суда Нечипор осужден по ст. 97 УК УССР (соответствует ст. 109 УК РСФСР) на пять лет лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на два года.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Нечипор признан виновным в том, что он, будучи бухгалтером Дрогобычского отдела народного образования с 1945 года, злоупотребляя своим служебным положением, нарушал финансовую дисциплину тем, что незаконно выплачивал деньги внештатным работникам отдела народного образования. Всего им было незаконно выплачено 24 633 р. 27 к.

Кроме того, он незаконно выплачивал Безносюку вторую ставку инспектора вечерней школы.

В протесте ставится вопрос об изменении квалификации действий Нечипора и снижении наказания.

Приговор и определение в отношении Нечипора подлежат изменению по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Нечипор не является специалистом-бухгалтером и неоднократно просил

освободить его от этой должности. Это обстоятельство подтверждено показаниями свидетеля Безбородовой. Следовательно, Нечипор не мог достаточно хорошо знать основные положения бухгалтерии, что и привело к тому, что с его стороны могли быть допущены случаи нарушения финансовой дисциплины.

По делу установлено, что выплата двух ставок Безносюку была санкционирована заведующим областным отделом народного образования Сухоненко, поскольку последним Безносюк был назначен исполнять должности заведующего районным отделом народного образования и инспектора вечерних школ.

По делу также установлено, что Нечипор, выполняя распоряжение Безносюк о выплате ему двух ставок и ставок внештатным единицам, неоднократно пытался выяснить в соответствующих организациях — правильно ли он поступает, но исчерпывающего ответа на свои вопросы ни от кого не получил. Эти обстоятельства подтвердили свидетели Нижник, Бабкина, Саран и др.

При наличии таких данных действия Нечипора должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 100 УК УССР (соответствует ч. 2 ст. 112 УК РСФСР), а не по ст. 97 УК УССР.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом, Судебная

коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Дрогобычского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Вер-

ховного суда УССР в отношении Нечипора изменить, действия его переквалифицировать на ч. 2 ст. 100 УК УССР и наказание назначить один месяц лишения свободы.

**11. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, ТАК КАК ПО ДЕЛУ НЕ ВЫЯСНЕННЫ
СУЩЕСТВЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ДАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИЙТИ
К ОБОСНОВАННОМУ ВЫВОДУ, КТО КОНКРЕТНО ЯВЛЯЕТСЯ ВИНОВНЫМ
В НАСТУПИВШИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ**

*Дело Линчука. Определение Железнодорожной коллегии
от 16 августа 1950 г.*

По приговору линейного суда Винницкой ж. д., оставленному в силе определением окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа, Линчук был осужден по ст. 99 УК УССР (халатность).

Линчук признан виновным в том, что он, будучи заведующим Глуховецким свеклопунктом, за период с 21 сентября по 27 октября 1949 г. по своей халатности допустил непроизводительный простой 324 вагонов в количестве 1790 вагоно-часов.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор линейного суда и определение окружного суда подлежат отмене по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, Глуховецкий свеклопункт в сентябре 1949 года был реорганизован, и Линчук, руководивший свеклопунктом, перешел в ведение вновь созданной Бердичевской свеклобазы. Согласно приказу Министра путей сообщения и Министра пищевой промышленности СССР от 1 сентября 1949 г. обязанность укомплектовать штаты грузчиков, подготовить инвентарь, обеспечить освещение в пунктах погрузки, а также ответственность за невыполнение норм погрузки вагонов возлагались персонально на директора свеклобазы, в ведение которой перешел Глуховецкий свеклопункт. Из дела далее видно, что директор Бердичевской свеклобазы Белоцерковский отдал распоряжение Линчуку грузить свеклу по 15 вагонов в сутки, не обеспечив свеклопункт достаточным количеством грузчиков.

Для того, чтобы обеспечить погрузку свеклы в вагоны круглосуточ-

но, требовалось организовать погрузку свеклы в три смены и увеличить штат грузчиков с 30 до 90 человек. Эти организационные мероприятия в компетенцию Линчука не входили, так как он не имел права найма рабочей силы и всем необходимым обеспечивался Бердичевской свеклобазой. По делу осталось не выясненным, какие конкретные обязанности были возложены на Линчука по организации погрузки свеклы в вагон и кто являлся ответственным за перепростой вагонов на Глуховецком свеклопункте.

Остался также невыясненным вопрос о подаче вагонов под погрузку агентами Казатинского отделения. По делу не выяснено, соблюдался ли график подачи и предупреждался ли Глуховецкий свеклопункт о времени и количестве подачи вагонов.

Наряду с этим в суде не установлено каких-либо данных, которые свидетельствовали бы о бездеятельности Линчука или халатности с его стороны; наоборот, как видно из дела, Линчук обеспечил значительное перевыполнение плана погрузки свеклы. Роль Белоцерковского в выполнении им приказа Министра путей сообщения и Министра пищевой промышленности от 1 сентября 1949 г. не выяснена.

На основании изложенного Железнодорожная коллегия определила:

Приговор линейного суда Винницкой ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа по делу Линчука отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА ДОЛЖНО БЫТЬ МОТИВИРОВАНО И НАУЧНО ОБОСНОВАНО

Дело Семенова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 3 ноября 1950 г.

[Извлечение]

Семенов признан виновным в том, что, работая на заводе, он 19 ноября 1949 г. изготовил нож с наборной ручкой и спрятал его в боковой карман телогрейки; при выходе был задержан в проходной будке и нож изъят.

Из акта осмотра ножа видно, что он отнесен к разряду кинжалов, следовательно, к запрещенному холодному оружию.

Семенов доказывает, что вывод эксперта неправильный, так как изготовленный им нож является обычным ножом, применяемым в хозяйственном обиходе.

Из дела видно, что изъятый нож у Семенова был предъявлен для осмотра представителю секции охотников ДСО Тихомирову, который, осмотрев изъятый нож, установил, что он относится к холодному оружию.

Заключение Тихомирова не мотивировано и научно не обосновано.

Из акта от 24 ноября 1949 г. не видно даже самого элементарного описания ножа, изъятых у Семенова. В акте не указаны длина ножа,

его ширина, свойства его лезвия, особенность рукоятки, качество отделки и стали.

В акте осмотра отсутствуют самые необходимые сведения об обозреваемом предмете, не говоря уже о том, что в акте нет технических описаний изъятых у Семенова ножа, что говорит о некомпетентности эксперта Тихомирова, заключение которого положено в основу обвинения Семенова.

По изложенным соображениям Коллегия не может принять акт от 24 ноября 1949 г. с заключением Тихомирова как судебное доказательство того, что изъятый у Семенова нож является кинжалом и относится к запрещенному виду холодного оружия. Таким образом, ничем не опровергнуто утверждение Семенова, что он изготовил обычный нож для хозяйственных целей.

При таких данных надлежит признать необоснованность осуждения Семенова по ч. 4 ст. 182 УК РСФСР, поскольку доказательства вины его в изготовлении холодного оружия отсутствуют.

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ НЕ ДОЛЖНО ЗАКЛЮЧАТЬ В СЕБЕ ФОРМУЛИРОВКУ ОБВИНЕНИЯ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ КОМПЕТЕНЦИЕЙ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ВХОДИТ В СОДЕРЖАНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. НАРУШЕНИЕ ст. 334 УПК ГРУЗИНСКОЙ ССР (ст. 334 УПК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ УПК ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК) ЯВЛЯЕТСЯ ПОВОДОМ К ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА

Дело Попова и других. Определение Водно-транспортной коллегии от 11 октября 1950 г.

По приговору линейного суда Черноморского бассейна и Дунайского пароходства Попов, Садов, Кротов, Сумароков и Пащенко были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Приговором по настоящему делу

установлено, что главный инженер Потийского порта Попов, заместитель главного бухгалтера порта и старший бухгалтер окса порта Кротов и прораб Тбилисской артели «Квиснакетоба» Садов при строительстве склада в порту злоупотребляли своим служебным положением и нанесли ущерб порту в сумме 307 200 руб., причем по сговору

между собой из указанной суммы присвоили более 180 тыс. руб., а на остальную сумму была допущена переплата работавшим у Садова рабочим и другим лицам.

Кроме того, в апреле 1949 года Попов познакомил Садова с работником одного из заводов Бродским, с которым договорились «реализовать» через артель 40 тыс. руб. В это преступление они втянули начальника энергомеханического отдела завода Сумарокова и его заместителя Пашенко.

Согласно договоренности Сумароков составил фиктивный акт и перечень работ на ремонт линии электропередачи на 32 тыс. руб. Этот акт подписал Попов, как представитель заказчика, Сумароков, как представитель завода, и Садов, как представитель подрядчика. После этого Кротов выписал три счета на бланках, представленных Садовым, на 31 000 руб. и эти фиктивные документы были посланы на завод, а Пашенко, зная о фиктивности документов, все же завизировал их к оплате. Деньги были перечислены на расчетный счет артели, откуда Садов деньги получил, отчитавшись фиктивными ведомостями на заработную плату; из этих денег, по показанию Садова, он 20 000 руб. передал Попову для Бродского, Кротова, Сумарокова и Пашенко.

Приговор линейного суда подлежит отмене вследствие неполноты проведенного предварительного и судебного следствия и грубых нарушений закона, допущенных следственными органами и судом.

1. По делу нарушены права обвиняемых на защиту. В частности, Кротову было предъявлено обвинение по трем основным эпизодам: в том, что он 1) в январе 1949 года сделал перечисление денег по устройству ограждения в сумме 24 240 р. 38 к., которые были поделены участниками хищения; 2) в апреле 1949 года составил подложные счета на получение от завода 31 000 руб., которые были также похищены, и 3) в сговоре с Садовым исключал из счетов часть стройматериалов, со-

здавая этим необходимые средства, которые потом похищались. По обвинительному же заключению Кротову вменено эпизодов в три раза больше, причем включены эпизоды, имеющие место в 1948 году, о которых в постановлении и не упоминалось и по которым тщательного расследования не производилось.

2. Бухгалтерская и техническая экспертизы проведены с грубым нарушением закона. Экспертизы проводились не только без участия обвиняемых, но о самом назначении экспертизы и о том, что экспертизы производятся, Кротов узнал на шестой день, а Попов — через две недели. Несмотря на это, в актах экспертизы записано, что она проводилась при участии и в присутствии Попова.

По содержанию своего заключения экспертиза вышла далеко за пределы своих функций и прав, присвоив себе функции следственных органов. Например, техническая экспертиза в своем заключении записала:

«На основании вышеизложенных рассуждений экспертиза приходит к выводу, что железо, потребное на эти изделия, нелегально приобретено Садовым у сотрудников порта путем махинаций... Таким образом, факт расхищения государственных средств путем махинаций со стройматериалами экспертиза считает доказанным... Вникая глубже в суть дела, чтобы выявить степень соучастия каждого из них, а также стоимость расхищенных материалов, уясняем из той же таблицы нижеследующее». Подводя итоги своей деятельности, техническая экспертиза указала: «Таким образом, в общем итоге группой лиц с участием Попова, Кротова, Садова, Пашенко и Сумарокова присвоенная сумма составляет 223 670 руб. Из этой суммы техническая экспертиза нашла возможным распределить между вышеуказанными лицами сумму 55 240 руб., как указано выше. Остальная сумма в размере 168 430 руб. подлежит распределению между участниками в присвоении их: Поповым, Кротовым,

Садовым и быть может и другими лицами, пока что не известными экспертизе, а потому распределение ее оставляем на усмотрение следствия и правосудия». Подобных рас- суждений технической экспертизы в заключении очень много.

Равным образом и заключение бухгалтерской экспертизы свидетельствует, что экспертиза превысила свои полномочия и ее заключение может быть названо «обвинительным актом». Так, бухгалтерская экспертиза в своем заключении записала: «Попов, пользуясь своим служебным положением, как зам. начальника Потийского порта и как главный инженер и распорядитель кредитов названного порта в целях личной наживы организовал группу расхитителей, ставившую своей целью присвоение значительных сумм государственных средств, втянул в это дело представителя подрядчика артели инженера Садова и зам. главного бухгалтера Потийского порта Кротова. Не ограничиваясь совершенными незаконно преступными операциями своей организации (порта), сферу своего влияния перенес также и на завод, в результате чего удалось втянуть в преступную операцию и работников завода, инженеров Сумарокова, Пашенко и других».

Из всех приведенных данных можно сделать вывод, что эксперты не знали своих прав и обязанностей и вместо заключения экспертизы представили, по существу, формулировки обвинения, на что уполномочены только следственные органы.

Поэтому необходимо провести новые бухгалтерскую и техническую экспертизы в другом составе с участием обвиняемых и с соблюдением закона.

3. Следственными органами и судом искусственно выделены в отдельное производство материалы на других обвиняемых по делу, хотя многие из них связаны между собой единством намерения и выделение на них дела не освещает и не раскрывает всех преступных действий в том виде, как они должны проходить по настоящему делу.

Бродский по материалам дела характеризуется как организатор хищения 31 тыс. руб., но он не только не привлечен по настоящему делу, но даже и не допрошен в качестве свидетеля.

Садов является представителем артели, за производимые им работы по строительству деньги переводились в артель. Садов изымал деньги в артели «Квиснакетоба», представлял в артель фиктивные документы и деньги присваивал. Между тем по делу не выяснена роль председателя артели Сохадзе и бухгалтера артели Хайндрава, хотя не исключена их причастность к этому делу, и совместное рассмотрение их дела с делом Садова может обеспечить правильное и полное выяснение всех обстоятельств.

В материалах дела также имеются данные, что начальник окса порта Взоров и Ткаченко помогали подписывать сметы, перечень работ, проверяли расценки, помогали в переброске средств из одной графы в другую, но к уголовной ответственности они не привлечены.

4. Линейным судом допущено нарушение ст. 334 УПК Грузинской ССР. По делу проходит несколько подсудимых и по целому ряду различных эпизодов обвинения. Однако суд в достаточной мере не конкретизировал в приговоре вину каждого подсудимого, а также не привел конкретных доказательств вины каждого подсудимого. Общая ссылка суда в приговоре на листы дела без анализа доказательств и без приведения мотивов лишает приговор силы убедительности. Суду при новом рассмотрении дела следует строго руководствоваться требованиями ст. 334 УПК Грузинской ССР и указаниями постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

Ввиду всего изложенного Водно-транспортная коллегия определила: Приговор в отношении Садова, Попова, Кротова, Пашенко и Сумарокова отменить, а дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

14. НАРУШЕНИЕ СУДОМ ст. 16 ЗАКОНА О СУДОУСТРОЙСТВЕ СССР, СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК

Дело Раковского. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 27 сентября 1950 г.

По приговору народного суда 1-го участка Центрального района г. Сталинабада оправдан Раковский, привлекавшийся к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 133 УК Таджикской ССР (злоупотребление служебным положением).

Определением Верховного суда Таджикской ССР от 29 апреля 1950 г. приговор народного суда отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства. Вторым определением Верховного суда Таджикской ССР от 9 мая 1950 г. дело Раковского направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Протест Генерального Прокурора СССР внесен на предмет отмены определений Верховного суда Таджикской ССР и направления дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Раковский был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 133 УК Таджикской ССР за то, что он, работая председателем правления артели «Красный текстильщик», незаконно принял в члены артели скрывшихся от суда и следствия Гительмахера, Бобрицкого и Пантофеля и способствовал совершению ими ряда злоупотреблений. Кроме того, Раковский нарушал финансовую дисциплину. Конкретно это выразилось в том, что он деньги, вырученные от продажи головных уборов, через кассу артели и Госбанк не оприходовывал. Оправдывая подсудимого, народный суд не дал

оценки доказательствам обвинения, безмотивно их отвергнув.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР от 29 апреля 1950 г. приговор народного суда был отменен с возвращением дела к новому судебному рассмотрению. 9 мая 1950 г. Верховный суд Таджикской ССР в том же составе, сославшись на ошибку в резолютивной части определения от 29 апреля 1950 г., вынес новое определение о возвращении дела Раковского к доследованию. Таким образом, Верховный суд Таджикской ССР в нарушение ст. 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и ст. 130 УПК Таджикской ССР вынес своим дополнительным определением от 9 мая 1950 г. новое решение вместо того, чтобы войти с представлением в Верховный суд СССР об изменении своего определения от 29 апреля 1950 г. Кроме того, в нарушение ст. 66 УПК Таджикской ССР дело Раковского было рассмотрено народным судом 1-го участка Центрального района без предания его суду в подготовительном заседании.

Ввиду изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда от 27 января 1949 г. и определения Верховного суда Таджикской ССР от 29 апреля и 9 мая 1950 г. в отношении Раковского отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предания суду.

15. ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ст. 60 ЗАКОНА О СУДОУСТРОЙСТВЕ СССР, СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК

Дело Мишакина. Определение Железнодорожной коллегии от 21 октября 1950 г.

Частным определением окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа указано

линейному суду Пермской ж. д. на нарушение ст. 60 Закона о судостроительстве СССР, союзных и

автономных республик, выразившееся в том, что линейный суд принял к своему производству и рассмотрел по существу дело по обвинению Мишакина по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», осудив его к восьми годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, без поражения в правах и без конфискации имущества, несмотря на то, что данное дело не подсудно линейному суду железнодорожного транспорта.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене частного определения, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Окружной суд, рассмотрев в кассационном порядке дело по обвинению Мишакина, оставил приговор в силе, но указал линейному суду частным определением о неподсудности линейному суду данного дела. Этот вывод окружной суд аргументировал тем, что Мишакин, совершивший хищение 26,5 м ткани из магазина орс железной дороги, находящегося на территории ст. Кизел, не являлся работником железнодорожного транспорта.

Генеральный Прокурор СССР в протесте указывает, что частное определение окружного суда, дез-

ориентирующее линейные суды железных дорог, основано на неправильном толковании ст. 60 Закона о судеустройстве, обязывающей линейные суды рассматривать дела также о преступлениях, нарушающих нормальную работу транспорта, поэтому в данном случае подсудность дела определяется не личностью преступника, а тем, что хищение было совершено на территории станции из магазина орс железной дороги.

Ознакомившись с протестом Генерального Прокурора СССР и материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что окружной суд правильно указал линейному суду на неподсудность линейному суду дела по обвинению Мишакина. Мишакин похитил из магазина орс железной дороги 26,5 м ткани, т. е. совершил хищение не в крупных размерах и не непосредственно из вагона или складов железной дороги, где находятся перевозимые по железной дороге грузы. Преступление Мишакина не нарушило и не могло нарушить нормальную работу транспорта, а поэтому дело по обвинению Мишакина подлежало рассмотрению в народном суде.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила протест отклонить.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. УВОЛЬНЕНИЕ РАБОТНИКА ПО п. «Г» ст. 43 КЗоТ МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ, ЕСЛИ НАРУШЕНИЕ РАБОТНИКОМ ПРАВИЛ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА НОСИЛО СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

*Определение по делу № 36/1073 по иску Воробьевой
о восстановлении на работе*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка г. Петрозаводска от 17 марта 1950 г. и определение Верховного суда Карело-Финской ССР от 25 марта 1950 г. по иску Воробьевой о восстановлении на работе.

Судебная коллегия находит:

Воробьева работала продавцом ларька Петрозаводского торгога. В 1950 году Воробьева была уволена с этой работы за нарушение правил торговли, выразившееся в продаже пива, не принятого под материальную ответственность, и за отсутствие в ларьке полного ассортимента товаров. Воробьева предъявила в суде иск о восстановлении на работе с оплатой за время вынужденного прогула, считая, что она с работы была уволена неправильно.

Народный суд 1-го участка г. Петрозаводска 17 марта 1950 г. постановил в иске Воробьевой отказать.

Верховный суд Карело-Финской ССР определением от 25 марта 1950 г. решение народного суда оставил в силе.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия считает, что решение на-

родного суда и определение Верховного суда Карело-Финской ССР подлежат отмене по следующим основаниям.

Суд при рассмотрении данного дела не выяснил всех обстоятельств дела.

Из приказа от 7 февраля 1950 г. усматривается, что Воробьева уволена с 6 декабря 1949 г., т. е. ранее, чем был издан приказ об увольнении, а истице, по ее утверждению, не были выданы документы о причинах увольнения, также не был произведен с ней расчет, вследствие чего она не имела возможности поступить на другую работу.

Суд этих существенных для дела обстоятельств не проверил. Кроме того, суд не установил, какая формулировка увольнения была записана администрацией в трудовой книжке истицы.

Если Воробьева значилась уволенной по п. «г» ст. 47 КЗоТ, то согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1941 г. увольнение по п. «г» ст. 47 КЗоТ могло последовать лишь в том случае, если бы нарушение ею правил внутреннего распорядка приняло систематический характер, а примененные к ней меры дисциплинарного воздействия (замечание, выговор,

строгий выговор и др.) не привели к должным результатам. Между тем из дела видно, что Воробьева в торговой системе работает 20 лет, никаких дисциплинарных взысканий не имела и непосредственным поводом к увольнению Воробьевой с работы послужила докладная записка заведующего магазином Афониной, которая указывала, что Воробьева отказалась принять для продажи бочку пива. Суд и этих обстоятельств не проверил и не выяснил, чем был вызван отказ Воробьевой от предложения Афониной принять в продажу пиво. В частности, непроверенным осталось заявление истицы, что пиво для продажи она отказывалась принять ввиду того, что оно было недо-

брокачественным и что в ларьке не было создано условий для торговли пивом в зимнее время. Отсутствие полного ассортимента товаров в ларьке Воробьева объяснила невозможностью доставки товаров за неимением транспорта.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 1-го участка г. Петрозаводска от 17 марта 1950 г. и определение Верховного суда Карело-Финской ССР от 25 марта 1950 г. отменить и дело для нового рассмотрения передать в Верховный суд Карело-Финской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

2. ОТМЕНА РЕШЕНИЯ СУДА ПО ТРУДОВОМУ ДЕЛУ ВВИДУ ТОГО, ЧТО УСТАНОВЛЕННЫЕ В РЕШЕНИИ СУДА МОТИВЫ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКА НЕ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ДЕЛА

Определение по делу № 36/1140 по иску Вола о восстановлении на работе

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 11 ноября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда РСФСР от 6 сентября 1950 г. по иску Вола к В/О «Техноэкспорт» о восстановлении на работе.

Судебная коллегия находит:

Решением народного суда 6-го участка Куйбышевского района г. Москвы от 11 августа 1950 г. постановлено восстановить Вола на работе в конторе «Техноэкспорт» в должности и. о. старшего инженера и взыскать в пользу Вола зарплату за 20 дней вынужденного прогула.

Московский городской суд определением от 25 августа 1950 г. решение народного суда оставил в силе.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 6 сентября 1950 г. решение народного суда и определение Московского городского суда отменены и в иске Вола о восстановле-

нии его на работе и о взыскании за вынужденный прогул отказано.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Приказом от 27 мая 1949 г. по объединению «Техноэкспорт» Вол был освобожден от должности начальника отдела с 1 июня 1949 г. и назначен старшим инженером в контору объединения.

Приказом по объединению от 7 июня 1950 г. Вол был освобожден от работы старшего инженера конторы предприятий с 8 июля 1950 г. по мотивам сокращения штатов.

Народный суд нашел, что истец был уволен неправильно, поскольку сокращения штатов в объединении не было.

Верховный суд РСФСР, отменяя решение народного суда и определение Московского городского суда, указал, что в объединении «Техно-

экспорт» произошла реорганизация и изменение характера и объема работы, в связи с чем наличный состав работников объединения сократился на 22%.

Ввиду этого Верховный суд РСФСР признал, что истец по сокращению штатов уволен правильно.

Из приобщенных по требованию суда материалов видно, что в штатах конторы по состоянию на 8 июля и 11 августа 1950 г. должность старшего инженера была вакантной.

Из показаний свидетелей, допрошенных судом, усматривается, что на должность старшего инженера после увольнения истца был принят другой работник.

При этих обстоятельствах дела следует признать, что у Верховного суда РСФСР не было оснований отменить решение народного суда и определение Московского городского суда и отказывать Волу в иске.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда РСФСР от 6 сентября 1950 г. отменить и оставить в силе решение народного суда 6-го участка Куйбышевского района г. Москвы от 11 августа 1950 г. и определение Московского городского суда от 25 августа 1950 г.

3. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ РАБОТНИКА НЕ СОСТАВЛЯЮТ НАРУШЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, ЕСЛИ ОНИ НЕ ВХОДЯТ В КРУГ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ РАБОТНИКА

Определение по делу № 36/898 по иску Шмерлиньш о восстановлении на работе

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 28 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 6-го участка Кировского района г. Риги от 23 декабря 1949 г. и определение Верховного суда Латвийской ССР от 7 января 1950 г. по иску Шмерлиньш к домоуправлению о восстановлении на работе и о взыскании за вынужденный прогул.

Судебная коллегия находит:

Шмерлиньш работала в домоуправлении в качестве дворника. Приказом по домоуправлению Шмерлиньш была уволена с работы 20 ноября 1949 г. по п. «г» ст. 47 КЗоТ за то, что она не впустила в квартиру представителя исполкома.

Народный суд 6-го участка Кировского района г. Риги 23 декабря 1949 г. постановил в иске Шмерлиньш отказать, признав, что истица с работы за нарушение трудовой дисциплины была уволена правильно.

Верховный суд Латвийской ССР

7 января 1950 г. решение народного суда оставил в силе.

Соглашаясь с протестом, Коллегия считает, что решение народного суда и определение Верховного суда Латвийской ССР подлежат отмене по следующим основаниям:

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1941 г. п. «г» ст. 47 КЗоТ может быть применен в тех случаях, когда нарушение правил внутреннего распорядка со стороны нанявшегося приняло систематический характер, а примененные к нему меры дисциплинарного воздействия, указанные в п. 20 Типовых правил, не привели к должным результатам, ввиду чего дальнейшее оставление нанявшегося на работе находится в противоречии с интересами производства.

Между тем истица работала в домоуправлении с 1944 года и дисциплинарным взысканиям не подвергалась.

То обстоятельство, что истица не впустила в квартиру, где она проживает, должностных лиц, явившихся для осмотра квартиры, никакого отношения к служебным обязанностям

Шмерлиньш не имеет, следовательно, этот факт не может рассматриваться как нарушение истцом служебной дисциплины.

При этих обстоятельствах дела следует признать, что увольнение истицы с работы по п. «г» ст. 47 КЗоТ было произведено неправильно и суд необоснованно отказал в требовании истицы о восстановлении ее на работе и взыскании зарплаты за время вынужденного прогула.

Ввиду изложенного Судебная кол-

легия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 6-го участка Кировского района г. Риги от 23 декабря 1949 г. и определение Верховного суда Латвийской ССР от 7 января 1950 г. отменить. Восстановить Шмерлиньш на работе дворником в домоуправлении. Взыскать с домоуправления в пользу Шмерлиньш зарплату за 20 дней вынужденного прогула.

4. ПРИСУЖДЕНИЕ ИСТЦУ УЩЕРБА С НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА

Определение по делу № 36/1125 по иску Торга к Шевцову о взыскании 4664 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 4 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Харьковского областного суда от 10 мая 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 3 июня 1949 г. по иску Торга к Шевцову о взыскании 4664 руб.

Судебная коллегия находит:

В июле 1948 года заведующий кладовой столовой Шевцов принял кладовую с товарами от уволенного с работы буфетчика Зиновьева. Впоследствии было установлено, что часть имеющейся в кладовой водки была фальсифицирована, причем стоимость недостающей водки определена была в 4664 руб.

К Шевцову был предъявлен иск о возмещении ущерба. Дело неоднократно разрешалось в судебных органах Харьковской области. В процессе разбора дела Шевцов утверждал, что водку фальсифицировал и похитил Зиновьев, который сразу же после передачи буфета скрылся, в связи с чем Шевцов просил не рассматривать дело до задержания Зиновьева.

Харьковский областной суд 10 мая 1949 г. решил взыскать с Шевцова 4664 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР 3 июня 1949 г. решение областного суда оставила в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР в части отмены решения областного суда и определения Верховного суда УССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Несмотря на то, что ответчик Шевцов заявлял суду, что водку фальсифицировал бывший заведующий кладовой Зиновьев, против которого прокурором было возбуждено уголовное преследование и объявлен его розыск, и что поэтому надлежащим ответчиком должен являться Зиновьев, а не он, Шевцов, областной суд в нарушение ст. 186 ГПК УССР вынес решение о взыскании с Шевцова стоимости недостающей водки.

Как видно из дополнительных материалов, в июне 1949 года Зиновьев был задержан, виновность его в фальсификации и хищении водки из буфета была установлена, и приговором народного суда 2-го участка г. Изюма от 18 августа 1950 г. Зиновьев за это преступление по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. осужден к 7 годам лишения свободы со взысканием с него 5560 руб. за причиненный ущерб.

Приговор народного суда вступил в законную силу.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что как решение областного суда, так и определение

Верховного суда УССР не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и материальную ответственность за ущерб суд возложил не на надлежащего ответчика.

При разрешении иска, предъявленного к Шевцову, Зиновьев даже не был привлечен в качестве ответчика, и вопрос о его материальной ответственности судом не разрешался.

5. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ ДЕЛА ПО ТЕМ ОСНОВАНИЯМ, ЧТО ИСК ПРЕДЪЯВЛЕН С ПРОПУСКОМ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Определение по делу № 36/908 по иску Дьячкова к Ракитянскому сахарному заводу о взыскании за увечье

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 сентября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Ракитянского района Курской области от 22 ноября 1949 г. и на определение Курского областного суда от 19 декабря 1949 г. по иску Дьячкова к Ракитянскому сахарному заводу о взыскании за увечье.

Судебная коллегия находит:

Дьячков предъявил в суде иск к Ракитянскому сахарному заводу о взыскании ущерба причиненного увечьем на производстве.

В исковом заявлении истец указал, что в августе 1937 года с ним на производстве по вине ответчика произошел несчастный случай, в результате которого он утратил трудоспособность и является инвалидом 2-й группы.

Народный суд Ракитянского района решением от 23 ноября 1949 г. постановил взыскивать с ответчика в пользу истца ежемесячно и пожизненно по 100 руб.

Курский областной суд определением от 19 декабря 1949 г. решение народного суда отменил и дело производством прекратил.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия считает, что реше-

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Харьковского областного суда от 10 мая 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 3 июня 1949 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд в ином составе судей с участием прокурора.

ние и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Народный суд свое решение об удовлетворении исковых требований обосновал справкой Ракитянского райсобеса, которой подтверждено, что истец является инвалидом труда 2-й группы. Между тем эта справка не может служить доказательством того, что инвалидность истца находится в связи с получением им в 1937 году на производстве травмы позвоночника.

При этих обстоятельствах суду следовало направить истца на судебно-медицинскую экспертизу с той целью, чтобы экспертиза дала свое заключение, является ли инвалидность истца следствием перенесенной им в 1937 году травмы позвоночника или же утрата истцом трудоспособности вызвана другими причинами.

Кроме того, экспертиза должна определить и процент утраты истцом общей и профессиональной трудоспособности.

Курский областной суд, вынося определение об отмене решения народного суда с прекращением дела производством, сослался на то, что народный суд удовлетворил исковые требования истца без обсуждения вопроса о восстановлении истцу пропущенного срока исковой давности и что Дьячков не представил

доказательств, что он увечье получил на заводе.

Однако эти мотивы могли быть лишь основанием для отмены решения народного суда с передачей дела на новое рассмотрение, а не для прекращения дела производством.

Более того, указание Курского областного суда о том, что народный суд не обсуждал вопроса о восстановлении срока исковой давности, является необоснованным.

Из текста мотивировочной части решения народного суда видно, что народный суд признал причину пропуска истцом срока исковой давности уважительной, следовательно, этот вопрос был предметом обсуждения народного суда.

Необоснованным также является и утверждение Курского областного суда о том, что истец не представил доказательств, что с ним произошел

несчастный случай на производстве в 1937 году.

Свидетель Дмитров, являвшийся в момент несчастного случая бригадиром слесарей, подтвердил, что с Дьячковым действительно произошел несчастный случай. Кроме того, в деле имеются письменные подтверждения о несчастном случае, происшедшем с истцом, рабочих Ноздрин, Кагурова, Пшеничного, Иянова.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда Ракитянского района от 23 ноября 1949 г. и определение Курского областного суда от 19 декабря 1949 г. отменить. Дело для нового рассмотрения передать в Курский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

6. ПО ИСКАМ О ВЗЫСКАНИИ С РАБОТНИКОВ ПОДОТЧЕТНЫХ СУММ ПРИМЕНЯЮТСЯ СРОКИ ДАВНОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ст. 44 ГК РСФСР

Определение по делу № 36/916 по иску базы снабжения Сортавальского треста животноводческих совхозов к Гореленко А. Д. о взыскании 250 руб. подотчетных сумм

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 сентября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка Сортавальского района от 22 декабря 1948 г. и определение Верховного суда Карело-Финской ССР от 12 февраля 1949 г. по иску базы снабжения Сортавальского треста животноводческих совхозов к Гореленко А. Д. о взыскании 250 руб. подотчетных сумм.

Судебная коллегия находит:

Рассматривая данное дело, народный суд 1-го участка Сортавальского района 22 декабря 1948 г. постановил в иске базе снабжения Сортавальского треста животноводческих совхозов о взыскании с Гореленко А. Д. 250 руб. подотчетных сумм

отказать за пропуском срока исковой давности.

Верховный суд Карело-Финской ССР определением от 12 февраля 1949 г. решение народного суда оставил в силе.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия считает, что дело подлежит новому рассмотрению по следующим основаниям:

В деле имеются подлинные расходные кассовые ордера, согласно которым ответчик получил в подотчет 256 руб. и в этих суммах не отчитался.

По настоящему делу суд неправильно применил ст. 93³ КЗоТ, так как этой статьей предусмотрен трехмесячный срок давности для исков о взыскании заработной платы, в данном случае иск был предъявлен

о взыскании подотчетных сумм, а в отношении такого рода требований должна быть применена трехгодичная исковая давность, предусмотренная ст. 44 ГК.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

7. НЕПРАВИЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА НАРОДНЫМ СУДОМ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА СУПРУГА, ПОДАВШЕГО ЗАЯВЛЕНИЕ О РАЗВОДЕ

Определение по делу № 36/1041 по иску Репина о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 14 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда 2-го участка Рыбницкого района Молдавской ССР от 31 января 1950 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 30 марта 1950 г. по иску Репина о расторжении брака.

Судебная коллегия находит:

Репин, проживающий в г. Рыбница Молдавской ССР обратился по месту своего жительства с заявлением в суд о расторжении брака с Репиной-Сидоровой, проживающей в поселке Тума Тумского района Рязанской области.

Народный суд 2-го участка Рыбницкого района в порядке отдельного требования предложил народному суду Тумского района вызвать и допросить Репину-Сидорову по вопросу предъявленного к ней иска о расторжении брака ее мужем Репиным.

25 октября 1949 г. народный суд Тумского р-на Рязанской области, допросив ответчицу Репину-Сидорову, протокол допроса выслал в народный суд 2-го участка Рыбницкого района Молдавской ССР.

31 января 1950 г. народный суд 2-го участка Рыбницкого района Молдавской ССР, выслушав лишь объяснение истца Репина, вынес определение об окончании производства по делу в народном суде ввиду

Решение народного суда 1-го участка Сортавальского района от 22 декабря 1948 г. и определение Верховного суда Карело-Финской ССР от 12 февраля 1949 г. отменить и дело передать для нового рассмотрения в тот же народный суд в ином составе.

того, что стороны не пришли к примирению.

Верховный суд Молдавской ССР, руководствуясь п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г., определением от 30 марта 1950 г. дело направил в Рязанский областной суд для рассмотрения по месту жительства ответчицы Репиной-Сидоровой, на том основании что явка ее в Верховный суд Молдавской ССР затруднительна ввиду наличия при ней двух несовершеннолетних детей.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения народного суда 2-го участка Рыбницкого района Молдавской ССР от 31 января 1950 г. и определения Верховного суда Молдавской ССР от 30 марта 1950 г. подлежат удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 инструкции НКЮ СССР, утвержденной СНК СССР от 27 ноября 1944 г. «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака», заявление о разводе во всех случаях подается в народный суд по месту жительства заявителя.

Согласно п. 2 той же инструкции дела о расторжении брака рассматриваются по месту жительства супругов, если они проживают совместно, и по месту жительства ответчика, если супруги проживают раздельно.

Только в том случае, если при

супруге, подающем заявление о разводе, находятся несовершеннолетние дети и выезд к месту жительства ответчика представляется для него затруднительным или же по просьбе ответчика при наличии уважительных причин, народный суд может рассмотреть дело по месту жительства супруга, подавшего заявление о разводе.

Настоящее же дело рассмотрено в народном суде по месту жительства супруга, подавшего заявление о расторжении брака, при отсутствии обстоятельств, предусмотренных п. 2 инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г.

В нарушение п. 10 вышеуказанной инструкции народный суд рассмотрел дело без участия ответчицы, при отсутствии сведений о вручении ей повестки о явке в суд.

Рассматривая дело в отсутствие ответчицы, народный суд не имел оснований для вынесения определения об окончании производства по делу в народном суде ввиду непримирения супругов, так как в отсутствие ответчицы суд лишен был возможности принять меры к примирению супругов, и вынес определение с нарушением ст. 25 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. и п. 13 инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г.

Согласно п. 16 вышеуказанной инструкции дела о расторжении брака, по которым в народном суде не было достигнуто примирения супругов, рассматриваются по заявлению

супруга в суде, вышестоящем по отношению к народному суду, предварительно рассматривавшему дело.

Исключение из этого правила допускается в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. лишь в тех случаях, когда супруг-ответчик изменил место жительства и когда это затрудняет его явку в суд.

По данному же делу видно, что ответчица не изменяла место жительства, поэтому Верховный суд Молдавской ССР не вправе был направлять это дело для рассмотрения по месту жительства ответчицы в Рязанский областной суд, а ввиду грубого нарушения народным судом порядка рассмотрения дел о расторжении брака должен был в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. отменить определение народного суда.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение народного суда 2-го участка Рыбницкого района Молдавской ССР от 31 января 1950 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 30 марта 1950 г. и дело направить на рассмотрение со стадии примирения супругов в народный суд Тумского района Рязанской области по месту жительства ответчицы Репиной-Сидоровой.

8. ИСКИ О ВЗЫСКАНИИ С РОДИТЕЛЕЙ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ МОГУТ БЫТЬ ПРЕДЪЯВЛЕНЫ В СУДЕ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, РАСТОРГНУТ ИЛИ НЕ РАСТОРГНУТ БРАК МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ

Определение по делу № 36/1069 по иску Джураева Т. к Муратовой Ф. о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 21 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Таджикской ССР от 31 мая 1950 г. по иску

Джураева Турдыбая к Муратовой Файзулисо о расторжении брака.

Судебная коллегия находит:

Сталинабадский областной суд, рассмотрев дело по иску Джураева Турдыбая к Муратовой Файзулисо о расторжении брака, 13 мая 1950 г.

решил: в иске Джураева Турдыбая к Муратовой Файзулисо о расторжении брака отказать. Взыскать с Джураева в пользу Муратовой на содержание сына Турдыбаева Велижана, рождения 20 декабря 1949 г., алименты в размере 25% со всех видов заработка до достижения сыном совершеннолетия.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Таджикской ССР определением от 31 мая 1950 г. решение областного суда в части взыскания алиментов с Джураева отменила, а в части отказа в иске о расторжении брака оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Таджикской ССР в части отмены решения областного суда о взыскании алиментов подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1950 г. «О судебной практике по делам о взыскании средств на содержание детей» иски о взыскании с родителей алиментов на детей могут быть предъявлены в суде независимо от того, расторгнут

или не расторгнут брак между родителями.

Поэтому нельзя признать правильным указание Судебной коллегии о том, что, поскольку в иске о расторжении брака истцу отказано, суду не следовало разрешать вопрос об алиментах.

Из дела видно, что стороны в настоящее время совместно не живут и, как утверждает Муратова, истец на содержание ребенка средств ей не дает.

При наличии утверждения матери ребенка о невыполнении отцом обязанностей по содержанию ребенка определение Верховного суда Таджикской ССР в части отмены определения областного суда о взыскании с отца алиментов вынесено с нарушением ст. 36 КЗоБСО Таджикской ССР.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда Таджикской ССР от 31 мая 1950 г. в части, касающейся отмены решения областного суда о взыскании с Джураева алиментов на содержание ребенка, и оставить в силе решение Сталинабалдского областного суда от 13 мая 1950 г.

9. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ОТКАЗ В СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ НАНИМАТЕЛЯ

Определение по делу № 36/615 по иску Гусьмалая к Хайдаренко об изолировании помещения

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 12 августа 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на постановление народного суда 2-го участка Красноармейского района г. Кишинева от 12 июля 1949 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 26 августа 1949 г. по иску Гусьмалая Е. А. к Хайдаренко И. П. об изолировании помещения.

Судебная коллегия находит:

Гр-ка Гусьмалая обратилась в суд с иском заявлением, в котором просила обязать домовладельца

гр-на Хайдаренко изолировать ее комнату и не чинить ей препятствий в устройстве печи.

Народный суд 2-го участка Красноармейского района г. Кишинева постановлением от 12 июля 1949 г. отказал в приеме искового заявления к своему производству.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда определением от 26 августа 1949 г. постановление народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене постановления народного суда и определения Вер-

ховного суда Молдавской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из заявления гр-ки Гусьмалая видно, что она проживает в доме Хайдаренко на правах квартирант-нанимателя и ранее занимала квартиру из двух комнат и кухни. Затем гр-н Хайдаренко начал ухудшать ее жилищные условия, и в настоящее время она занимает только кухню, которую Хайдаренко превратил в проходное помещение.

Кроме того, истица указывала, что Хайдаренко, желая выселить ее, чинит препятствие в устройстве печи для отопления, вследствие чего она в зимнее время вынуждена находиться в холодном помещении и не имеет возможности готовить пищу.

В силу ст. 170 ГК УССР наниматель имеет право судебной защиты против всякого нарушителя его владения, в том числе и против собственника, поэтому суд обязан был

принять к своему производству и разобрать заявление истицы по существу.

Наймодатель в силу ст. 171 ГК УССР не вправе односторонне изменить условия договора, поэтому суду следует рассмотреть заявление гр-ки Гусьмалая и, проверив, действительно ли гр-н Хайдаренко ухудшает условия пользования жилым помещением, разрешить вопрос об обоснованности предъявленных истицей требований.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить постановление народного суда 2-го участка Красноармейского района г. Кишинева от 12 июля 1949 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 26 августа 1949 г. и направить иск-вой материал Гусьмалая в народный суд на рассмотрение по существу.

10. ЗА СЪЕМЩИКАМИ, ВЫЕХАВШИМИ ВРЕМЕННО, ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ, КАК ПРАВИЛО, СОХРАНЯЮТСЯ ЛИШЬ В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ

Определение по делу № 36/1043 по иску Лобанова к Гурину о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 14 октября 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Кировского района г. Казани от 8—10 октября 1949 г., определение Верховного суда Татарской АССР от 27 октября 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 2 января 1950 г. по иску Лобанова к Гурину о выселении.

Судебная коллегия находит:

В 1949 году Лобанов предъявил в суде иск к Гурину о выселении из комнаты ввиду того, что комната была занята ответчиком неправомерно и, кроме того, она необходима истцу для поселения на эту площадь жены его сына.

Народный суд 3-го участка Кировского района г. Казани решением

от 8—10 октября 1949 г. постановил выселить Гурина из комнаты, обязав райжилуправление предоставить выселяемым другую жилую площадь.

Верховный суд Татарской АССР 27 октября 1949 г. решение народного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение.

Верховный суд РСФСР определением от 2 января 1950 г. отменил определение Верховного суда Татарской АССР и оставил в силе решение народного суда 3-го участка Кировского района г. Казани от 8—10 октября 1949 г., согласно которому иск Лобанова о выселении Гурина был удовлетворен.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Коллегия считает, что дело подлежит новому рассмотрению по следующим основаниям:

Постановляя решение о выселении Гурина, народный суд сослался на то, что исполком Кировского райсовета депутатов трудящихся своим решением от 14 января 1949 г. признал основным съёмщиком квартиры гр-на Лобанова, два сына которого находятся в Советской Армии.

Доводы народного суда нельзя признать правильными.

Гурин поселился в комнате на основании ордера, выданного исполкомом Кировского райсовета депутатов трудящихся 4 марта 1944 г., и на эту комнату с Гуриным был заключен договор жилищного найма.

Согласно ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. за съёмщиками, выбывшими с площади временно, жилые помещения, как правило, сохраняются в течение шести месяцев.

Между тем Лобанов до 1949 г., т. е. в течение пяти лет, не ставил вопроса о возврате ему спорной площади.

Фактически комната, занимаемая ответчиком, являлась для истца излишней, поскольку он имеет другую комнату размером 19 кв. м, в которой проживает с дочерью.

В судебном заседании Лобанов

объяснил, что ему лично комната, занимаемая Гуриным, не нужна, но эта комната требуется ему для жены его сына, находящегося в Советской Армии с 1934 года.

Сноха Лобанова никогда ранее в квартире истца не проживала, а занимала площадь совместно со своими родителями. Сыновья Лобанова находятся в кадровых частях Советской Армии, один с 1940 года, другой — с 1934 года.

Постановление СНК СССР от 5 августа 1941 г. «О сохранении жилой площади за военнослужащими» (СП СССР 1941 г. № 17, ст. 342) сохраняло свое действие до 1 сентября 1949 г., т. е. к моменту рассмотрения дела в суде утратило свою силу.

Все эти обстоятельства суду следовало иметь в виду при разрешении данного спора.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 3-го участка Кировского района г. Казани от 8—10 октября 1949 г. и все последующие определения отменить и дело для нового рассмотрения передать в Верховный суд Татарской АССР по первой инстанции.

II. РАЗЪЯСНЕНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ РЕШЕНИЯ МОЖЕТ КАСАТЬСЯ ТОЛЬКО ВОПРОСОВ, РАЗРЕШЕННЫХ СУДОМ, НО ВВИДУ НЕДОСТАТОЧНОЙ ПОЛНОТЫ ИЛИ НЕЯСНОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ НУЖДАЮЩИХСЯ В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УКАЗАНИЯХ

Определение по делу № 36/676 по иску райжилуправления Сталинского района г. Киева к Турчаку И. К.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 28 июня 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Киевского областного суда от 21—23 марта 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 16 апреля 1949 г. по иску Турчака И. К. к артелям «Лозодревкомбинат» и «Древширпотреб» о выселении и по иску райжилуправления Сталинского района

г. Киева к Турчаку И. К. об изъятии приусадебного участка.

Судебная коллегия находит: Гр-н Турчак И. К. предъявил в суде иск к артелям «Лозодревкомбинат» и «Древширпотреб» о выселении из дома и взыскании арендной платы, ссылаясь на то, что он сдал в аренду принадлежащий ему дом артели «Древширпотреб» с условием, что артель должна произвести соответствующий ремонт дома, но артель

«Древширпотреб» этих условий не выполнила, без его ведома передала дом в пользование артели «Лозодревкомбинат», последняя же арендная плата ему не вносит.

Райжилуправление Сталинского района г. Киева, в порядке ст. 190 ГК УССР, предъявило иск к гр-ну Турчаку И. К. об изъятии из его пользования земельного участка по ул. Степановской № 2-б и о выселении Турчака с территории этого участка со всеми лицами, совместно с ним проживающими, с передачей участка в распоряжение райжилуправления Сталинского района. В своем заявлении райжилуправление указало, что Турчак построил помещение для жилья на участке по Степановской ул. № 2-б, не имея на то соответствующего разрешения и, кроме того, не имея сам никакого права на участок, предоставил часть его артели «Древширпотреб» для постройки на средства артели помещения под магазин с тем, что построенное артелью помещение переходит в его, Турчака, собственность; за это помещение Турчак получал с артели арендную плату, неосновательно обогащаясь за ее счет.

Киевский областной суд, рассмотрев это дело по существу 21—23 марта 1949 г., решил: в иске Турчака И. К. к артелям «Лозодревкомбинат» и «Древширпотреб» о выселении отказать. Изъять из пользования Турчака И. К. участок по ул. Степановской № 2-б и выселить Турчака И. К. со всеми зависящими от него лицами с этого участка, передав его в распоряжение райжилуправления Сталинского района г. Киева.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 16 апреля 1949 г. решение областного суда оставила в силе.

Судебный исполнитель народного суда 9-го участка Сталинского района г. Киева обратился в областной суд с представлением, в котором просил дать толкование решению областного суда по вопросу о том,

каким образом должно быть произведено выселение Турчака И. К.

Кроме того, судебный исполнитель просил истолковать решение в связи с тем, что на спорном участке имеется дом, занимаемый семьей дочери Турчака, в отношении которой никаких указаний в решении не имеется, а также в связи с отсутствием в судебном решении указаний, кому должно быть передано домовладение и помещения, занимаемые артелями «Лозодревкомбинат» и «Древширпотреб».

Киевский областной суд 31 августа 1949 г., согласно ст. 208 ГК УССР, вынес определение, которым дополнил свое решение тем, что все жилые помещения, построенные Турчаком, последний должен убрать с участка, а что касается помещений, возведенных и занимаемых артелями «Лозодревкомбинат» и «Древширпотреб», то они остаются в их пользовании.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене всех состоявшихся по делу судебных решений и определений подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Все вопросы, которые были поставлены судебным исполнителем перед областным судом, должны были получить свое разрешение при рассмотрении дела по существу, поскольку же все эти вопросы не были предметом обсуждения в суде при вынесении основного решения, суд не мог выносить по ним решение в порядке толкования.

Разъяснение и толкование решения может касаться только вопросов, разрешенных судом, если ответы, данные судом, изложены в решении недостаточно ясно и поэтому затруднено исполнение решения. Недопустимо, чтобы под видом разъяснения или толкования решения было изменено решение по существу, вынесено новое решение или же разрешены вопросы, которые не были разрешены ранее.

Суд при разрешении настоящего дела по существу не исследовал всех обстоятельств по делу и не установил действительных прав и взаимно-

отношений сторон, чем нарушил ст. ст. 7 и 138 ГПК УССР.

При новом рассмотрении этого дела суду надлежит более тщательно проверить обстоятельства застройки участка и вынести соответствующее решение.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

12. ПРИЗНАНИЕ ОТВЕТЧИКА ВИНОВНЫМ В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ НЕ ОСВОБОЖДАЕТ СУД, РАССМАТРИВАЮЩИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПОРЯДКЕ ВОПРОС О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННОГО, ОТ ОБЯЗАННОСТИ ВСЕСТОРОННЕГО ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА И УСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО РАЗМЕРА УЩЕРБА

Определение по делу № 36/836 по иску «Главнефтеснаба» к Бортнику и др. о взыскании убытков

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 августа 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Одесского областного суда от 21 июня 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 29 июля 1949 г. по иску управления «Главнефтеснаба» к Бортнику, Рыжкову и Станиславскому о взыскании 5 809 000 руб.

Судебная коллегия находит:

Исковые требования к ответчикам были заявлены по тем основаниям, что ответчики после освобождения г. Одессы от немецких оккупантов в 1944—1945 гг. руководили работой нефтебазы и за период их работы ревизией обнаружена недостача на нефтебазе нефтепродуктов и излишек керосина, за что ответчики были осуждены по ст. 99 УК УССР (халатность) к разным срокам лишения свободы.

Одесский областной суд 21 июня 1949 г. решил взыскать в пользу истца с Бортника, Рыжкова и Станиславского солидарно 3 068 200 руб.

Верховный суд УССР определением от 29 июля 1949 г. изменил решение Одесского областного суда, постановив уменьшить присужденную с ответчиков сумму до 2 068 200 руб.

Протест Председателя Верховного суда СССР по настоящему делу подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Отменить решение Киевского областного суда от 21—23 марта 1949 г., определение Верховного суда УССР от 16 апреля 1949 г. и определение Киевского областного суда от 31 августа 1949 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд в ином составе судей с участием прокурора.

Судом установлено, что на нефтебазе вследствие ее технической неоснащенности и наличия только одного трубопровода и одного насоса происходило смешение разных видов горючего при перекачке его из одного резервуара в другой. Это, как указано в решении суда, подтвердили свидетели, работавшие раньше у истца, эксперты по уголовному делу, а также признал и представитель истца.

При этом смешении бензин и дизельное топливо могли перейти только в низший сорт нефтепродуктов, а именно в керосин.

По данным дела недостача высших сортов топлива (автобензина, авиабензина и дизельного топлива) составляла 1370,1 тонны, а излишки керосина — 1747,3 тонны.

При определении ущерба, подлежащего взысканию с ответчиков, суд исходил из разницы в цене на нефтепродукты высшего качества и цены керосина и стоимость излишков керосина зачел в счет недостачи.

Таким образом, суд, с одной стороны, признал неизбежность пересортицы нефтепродуктов, созданной условиями их перекачки, с другой стороны, возложил полностью материальную ответственность за пересортицу на ответчиков, причем, признавая неизбежность пересортицы горючего, указал, что это могло иметь место лишь в сравнительно незначительных размерах.

Допуская неизбежность пересортицы даже в незначительных размерах, суд не вправе был возлагать на ответчиков материальную ответственность за это в полном объеме.

Суд обязан был в этом случае, определив размеры нормальной пересортицы нефтепродуктов, отнести таковую за счет базы.

Ответ на этот вопрос могла дать суду экспертиза. Поскольку ответа на вопрос о том, в каких размерах допустима нормальная пересортица нефтепродуктов на базе истца во время работы на этой базе ответчиков, экспертиза, проведенная по уголовному делу, не дала, суд должен был назначить новую экспертизу для разъяснения этого вопроса.

В обоснование своего решения суд ссылается на то, что ответчики были признаны по уголовному делу виновными по ст. 99 УК УССР и вина их заключалась в том, что они не оформляли пересортицу нефтепродуктов надлежащими актами.

Между тем привлечение ответчиков к уголовной ответственности не

освобождает суд, рассматривающий гражданский иск, от всестороннего исследования всех обстоятельств по делу и установления действительного размера ущерба, причиненного истцу.

При новом рассмотрении дела суду надлежит установить, в связи с чем образовалась недостача одних видов нефтепродуктов и излишек других; в каких размерах могла быть допущена нормальная пересортица нефтепродуктов в условиях, в которых работали ответчики в 1944—1945 гг., и в какой сумме причинен истцу ущерб по вине ответчиков.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Одесского областного суда от 21 июня 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 29 июля 1949 г. отменить и дело для нового рассмотрения передать в Верховный суд Украинской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

13. ПРЕТЕНЗИИ ОБ УПЛАТЕ ПРЕМИИ ЗА ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА НЕ ПОДЛЕЖАТ СУДЕБНОМУ РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШАЮТСЯ УПРАВЛЕНИЕМ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Определение по делу № 36/627 по иску Бакинского морского торгового порта к управлению Азербайджанской ж. д. о взыскании 55661 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 21 июня 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Верховного суда АзССР от 30 мая 1949 г. по иску Бакинского морского торгового порта к Управлению Азербайджанской ж. д. о взыскании 55 661 руб.

Судебная коллегия находит:

Бакинский морской торговый порт предъявил иск к Управлению Азербайджанской ж. д. о взыскании разного рода штрафных сумм и премии за досрочное освобождение подвижного состава, всего в сумме 55 661 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда АзССР решением от 30 мая 1949 г. постановила: взыскать в пользу Бакинского морского торгового порта со счета эксплуатации Управления Азербайджанской ж. д. 38 784 руб. и госпошлину 2327 руб., кроме того, постановлено взыскать в пользу эксперта с Бакинского морского торгового порта 2600 руб. и с Управления Азербайджанской ж. д. — 1800 руб.

По протесту Председателя Верховного суда СССР решение в части взыскания в пользу истца с ответчика 5404 р. 50 к. подлежит отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела усматривает-

ся, что в сумму, взысканную судом с ответчика, входит премия за досрочное освобождение портом подвижного состава железной дороги в сумме 5404 р. 50 к.

В этой части решение судом вынесено с нарушением ст. 99 Устава железных дорог СССР, согласно которой претензии об уплате премии за досрочное освобождение подвижного состава не подлежат судебному рассмотрению и разрешаются управлением железной дороги.

При этих условиях суд не вправе был рассматривать иски требования Бакинского морского торгового порта в части взыскания премии за

досрочное освобождение вагонов. В остальной части решение постановлено в соответствии с материалами дела и законом.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Азербайджанской ССР от 30 мая 1949 г. в части взыскания с Управления Азербайджанской ж. д. в пользу Бакинского морского торгового порта 5404 р. 50 к. отменить и в этой части дело производством прекратить, а в остальной части решение суда оставить в силе.

14. НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

Определение по делу № 36/1962 по заявлению Фельдмана об установлении факта

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 30 сентября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на определение народного суда Аникшайского уезда от 19 июля 1949 г. и определение Верховного суда Литовской ССР от 5 сентября 1949 г. по заявлению Фельдмана И. Б. об установлении факта родственной связи с Фельдманом Лейбой и факта принадлежности Фельдману Лейбе дома на праве личной собственности.

Судебная коллегия находит:

Фельдман И. Б. обратился в народный суд с заявлением, в котором указал, что в 1941 году его брат, Фельдман Лейба, был убит немецкими оккупантами и что погибшему брату принадлежал по праву личной собственности дом в г. Аникшай; указывая, что он, Фельдман И. Б., является наследником имущества, оставшегося после смерти его брата, Фельдман просил суд установить тот факт, что умерший действительно являлся его братом и что умершему принадлежал указанный выше дом на праве личной собственности. Определением народного суда

Аникшайского уезда от 19 июля 1949 г. было постановлено в просьбе Фельдману И. Б. отказать и дом передать уездному отделу коммунального хозяйства как бесхозяйное имущество.

Верховный суд Литовской ССР определением от 5 сентября 1949 г. определение народного суда оставил в силе.

Дело по протесту Генерального Прокурора СССР подлежит новому рассмотрению по следующим основаниям:

Суд неосновательно объединил в одно производство два различных по своему содержанию требования Фельдмана, т. е. об установлении факта, что заявитель является родным братом Фельдману Л. Б. и что последнему принадлежит на праве личной собственности дом.

Более того, народный суд вышел за пределы просьбы Фельдмана, постановив решение о передаче дома как бесхозяйного отделу коммунального хозяйства, в то время как Аникшайский уездный отдел коммунального хозяйства никаких требований о доме не предъявлял, а лишь оспаривал просьбу Фельдмана об уста-

новлении факта, что дом принадлежал его брату.

Поскольку при разрешении дела об установлении факта принадлежности дома возник спор о праве гражданском, так как представитель коммунального отдела в судебном заседании оспаривал принадлежность дома брату заявителя, суд в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 19 июня 1945 г. обязан был прекратить рассмотрение дела в порядке особого производства.

В этом случае заинтересованное лицо, в данном случае Фельдман, может предъявить иск на общих основаниях.

Из материалов дела видно, что сведения о том, кто является братом погибшего Фельдмана Л. Б., суд вообще оставил без обсуждения и в своем определении по этому вопросу ничего не указал.

15. СРОК ДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА МОЖЕТ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕН ЛИШЬ В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ст.ст. 62—64 ГПК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИМИ СТАТЬЯМИ ГПК ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Определение по делу № 36/558 по иску войсковой части к Управлению Литовской ж. д. о взыскании 42 808 р. 50 к. за недостачу груза

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 мая 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на резолюцию члена Верховного суда Литовской ССР о продлении срока действия исполнительного листа по иску войсковой части к Управлению Литовской ж. д. и ликероводочному заводу о взыскании 42 808 р. 50 к. за недостачу груза.

Судебная коллегия находит:

Решением Верховного суда Литовской ССР от 29 марта 1946 г. было постановлено: взыскать с Управления Литовской ж. д. в пользу войсковой части за недостачу груза 42 808 р. 50 к. и госпошлину в сумме 2568 руб.

Это решение Верховного суда не было обращено к исполнению, так как выписанный исполнительный лист взыскателю не был направлен,

При новом рассмотрении дела суду надлежит в порядке особого производства установить, имел ли место этот факт, имеющий юридическое значение.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение народного суда Аникшайского уезда от 19 июля 1949 г. и определение Верховного суда Литовской ССР от 5 сентября 1949 г. отменить. Дело в части установления факта принадлежности дома по праву личной собственности Фельдману Л. Б. в порядке особого производства прекратить. В остальной части по вопросу установления факта, что Фельдман И. Б. является братом Фельдмана Л. Б., дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Литовской ССР по первой инстанции.

в связи с чем Управление производственного снабжения Министерства вооруженных сил письмом от 22 октября 1949 г. просило продлить срок действия исполнительного листа.

На основании этого ходатайства председательствующий по делу член Верховного суда Литовской ССР вместо внесения вопроса о восстановлении срока действия исполнительного листа в судебное заседание с вызовом сторон произвел на исполнительном листе надпись о том, что «срок действия исполнительного листа продлен до 11 мая 1950 г.».

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене резолюции члена Верховного суда Литовской ССР с передачей вопроса о восстановлении срока действия исполнительного листа на рассмотрение в Верховный суд Литовской ССР подлежит удо-

влетворению по следующим основаниям:

Закон не предоставляет права судье единолично рассматривать дела в связи с заявлениями о продлении срока действия исполнительного листа, и, следовательно, действия члена Верховного суда Литовской ССР, единолично решившего вопрос о продлении срока действия исполнительного листа, являются незаконными.

Согласно ст. 63 ГПК РСФСР вопрос о восстановлении пропущенного срока разрешается с вызовом сторон судом, в котором должно быть совершено просроченное действие.

При рассмотрении ходатайства

о восстановлении срока действия исполнительного листа суду надлежит руководствоваться ст. 62 ГПК РСФСР, предусматривающей, что стороне, пропустившей установленный законом или назначенный судом срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен. Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Резолюцию члена Верховного суда Литовской ССР о продлении срока действия исполнительного листа отменить и дело по этому вопросу передать на рассмотрение Верховного суда Литовской ССР.

16. РЕШЕНИЕ СУДА, ПОСТАНОВЛЕННОЕ С НАРУШЕНИЕМ ст. 179 ГПК

*Определение по делу № 36/1129 по иску треста к Вдовиной
об изъятии комнаты*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 4 ноября 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 1-го участка Ленинского района г. Баку от 20 июня 1950 г. и определение Верховного суда АзССР от 13 июля 1950 г. по иску треста к Вдовиной об изъятии комнаты.

Судебная коллегия находит:

Трест предъявил иск к Вдовиной об изъятии у нее излишней изолированной комнаты размером 14 кв. м.

Народный суд 1-го участка Ленинского района г. Баку решением от 20 июня 1950 г. постановил изъять у Вдовиной и передать истцу комнату размером 16 кв. м.

Верховный суд АзССР решение народного суда определением от 13 июля 1950 г. оставил в силе.

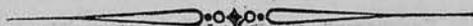
Протест Генерального Прокурора СССР об отмене указанного реше-

ния и определения подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Суд вышел за пределы исковых требований и вместо комнаты размером 14 кв. м, как это просил истец, изъясил у ответчицы комнату размером 16 кв. м и нарушил ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., в силу которой у съемщика может быть изъята излишняя жилая площадь, тогда как суд в пользовании ответчицы и ее внука оставил жилую площадь меньше полагающейся им по норме.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда от 20 июня 1950 г. и определение Верховного суда АзССР от 13 июля 1950 г. и дело направить на новое рассмотрение в Верховный суд АзССР по первой инстанции с участием прокурора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Руководящие указания Пленума Верховного суда СССР	1
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	7
Определения коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам	11
Определения Судебной коллегии Верховного суда СССР по гражданским делам	31

Издатель: ЮФ СПбГУ
Москва, Таганская ул.,

юридической литературы,
пер., 19. Тел. Ж-2-46-67.

A01802. Сдано в произв. 15/XII 1950 г. Подписано к печати 8/I 1951 г.
Уч.-изд. л. 3,9. Бумага 70×108¹/₁₆=1,5 бумажных=4,11 печатных листа
Зак. 2002. Тираж 33 000. Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.